

ПРОЕКТ ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ ЧЕРНАЯ КОСТЬ

КНИГА ВТОРАЯ · ТРОПА КОЛДУНОВ

Черная кость

Руслан Мельников

Тропа колдунов

«Автор»

2010

Мельников Р. В.

Тропа колдунов / Р. В. Мельников — «Автор», 2010 — (Черная кость)

Борьба за Черные Кости продолжается. Мир пронизывают колдовские Тропы. В битвах за чужую власть и чужое бессмертие гибнут разноязыкие армии. Кровь льется рекой. Латиняне под предводительством императорского мага и гречанки-ворожеи штурмуют крепость ищерского князя-волхва. Татарские тумыны, ведомые Великим ханом и ханском шаманом, бьются с латинянами. Германские рыцари сражаются с японскими самураями. Ассасины схлестнулись с ниндзя. Старец Горы защищает низаритскую твердыню. Ждут своего часа китайские «лесные демоны» линь гуй. Уже ясно, кто владеет тремя Костями. И где искать четвертую. И кому принадлежит пятая. Но есть еще одна. Последняя. Шестая.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Руслан Мельников

Черная кость. Тропа колдунов

(Новая авторская редакция)

Пролог

Невысокий человек в белых одеждах, с маленькой, едва прикрывающей темя, черной шапочкой на голове стоял у края пустынного горного плато. Окруженная скалами равнина, напоминала огромную чашу с выщербленными и потрескавшимися стенками, а одинокая белая фигура среди серых камней была подобна рисовому зернышку, небрежно брошенному на дно чаши.

Человека-зернышко окутывало колдовское марево. Дрожащий воздух, пропитанный магическими токами, искажал очертания и не позволял разглядеть лица. В правой руке человек держал перед собой небольшой яйцевидный кристалл, граненый бок которого чуть выступал из колышущейся пелены. Под прозрачной поверхностью самоцвета темнела черная сердцевина. Левая рука сжимала длинный сучковатый посох. В стороне лежал заплочный короб с широкими ремнями-лямками.

Из сплетенного магией защитного воздушного кокона доносился приглушенный голос. Негромко, монотонно и заунывно звучали заклинания, недоступные пониманию непосвященных. Колдун-отшельник, могущественный ямабуси – «спящий в горах», творил волшбу при помощи древнего артефакта.

Колдовство было направлено на шершавую скалу, нависавшую над магом. Сила кристалла и слов разодрала каменную породу и удерживала открытой заполненную чернильным мраком брешь. Где-то в глубинах зияющей дыры мерцали разноцветные искры. Куда вел этот проход и откуда выводил, мог знать только тот, кто его создал.

Ямабуси знал. И терпеливо ждал, всматриваясь в искрящуюся тьму. Но, видимо, он ждал не того, что случилось. И высматривал совсем другое.

Яркий бело-голубой свет, ударивший из темной бреши в скале, заставил колдуна отшатнуться. Свет резанул по глазам, ослепил, залил все вокруг. Чародей в белых одеждах вскрикнул, вскинул руки к лицу... Кристалл и посох выскользнули из пальцев. Защитный кокон, утратив связь с магическим самоцветом, опал и растекся, уходя в каменную россыпь, будто пенящаяся водяная струя.

Колдун заставил себя отнять руки от глаз. Его лицо открылось. Старческое, морщинистое, с сухой желтовато-коричневой кожей. В узких миндалевидных глазах смешались досада, злость и недоумение. Старик, нагнувшись, потянулся к упавшему кристаллу...

* * *

Облавная цепь, посланная Михелем Шотте и возглавляемая Зигфридом фон Гебердорфом, настигла беглецов на открытом лугу. Ханских послов было двое, и это были именно те послы, к которым у барона имелись личные счеты. Правда, поперек хребта низкорослой лошадки татарского князька лежал кто-то третий – маленький связанный человечек в рваных черных одеждах, лица которого Зигфрид так и не смог разглядеть. Но пленник послов мало интересовал барона. Барона интересовали сами послы.

Беглецам удалось доскакать до небольшого лесочка. Дальше деваться было некуда, и спасти их могло только чудо.

Спасло колдовство... Черная брешь, невесть откуда взявшаяся в густой зелени леса. Дыра, слабо подсвеченная далекими всполохами.

Беглецы направили коней в пустоту и буквально растворились во тьме. Зигфрид колебался лишь пару мгновений, не больше. Вогнав шпоры в конские бока, прикрывшись щитом и выставив перед собой копье, он тоже ринулся во мрак.

Сначала Зигфрид слышал крики, звон металла и топот копыт за спиной. Потом звуки вдруг исчезли, а мысли сбились и смешались. Утратилось чувство времени, изменилось ощущение пространства. Впереди было только мельтешение разноцветных искр. По бокам – густая, упругая и неподатливая тьма. А сзади...

Обернувшись, Зигфрид увидел всадников. Его лучшие рыцари и самые верные слуги то ли скакали, то ли плыли, то ли летели по узкому темному коридору. Друг за другом, по одному, по двое.

Не все, далеко не все решились последовать за бароном. А может быть, просто не все успели: позади небольшого отряда, увлекаемого неведомой силой по невиданному коридору, не было больше никакой дыры и никакой прорехи. Позади было НИЧТО. Как, впрочем, и впереди тоже.

Из этого самого ничто, из переливающихся искр перед глазами, неожиданно вынырнула короткая стрела. Арбалетный болт. Только летел он почему-то вперед оперением.

Стрела сильно, но беззвучно ударила в украшенный золотыми львами щит Зигфрида. А еще миг (или, может быть, вечность?) спустя так же бесшумно полыхнули бело-голубые молнии. Полыхнули и застыли слепящими высверками, обесцветив и погасив колдовские искры, изорвав тьму вокруг, раздвинув стены коридора.

Но всадников все влекло и влекло дальше – прямо, вперед... Только не сквозь мрак уже, а через ослепительный свет, заставляющий до боли жмурить глаза.

Пронесся еще один миг. Еще одна вечность осталась позади. Зигфрида и его воинов выбросило, выкинуло, вышвырнуло...

* * *

Из хлещущей бело-голубым светом скалы на плато вываливались обвешенные железом кони и люди. Один за другим, один на другого...

Крики, лошадиное ржание, звон и грохот... Кто-то падал с коня, кто-то падал вместе с конем. Кто-то, удержавшись в седле, по инерции продолжал скакать дальше.

Зигфрид, очутившийся на горном плато первым, оказался одним из таких счастливицов.

Именно под копыта его обезумевшего жеребца и угодил ямабуси. Старика, так и не успевшего дотянуться до оброненного кристалла, отбросило в одну сторону. Кристалл откатился в другую.

Барон натянул поводья, осаживая коня...

Глава 1

Наконец-то во вражеском лагере смолк перестук топоров. Перестали сновать туда-сюда кнехты, таскавшие бревна, доски, камни и корзины с землей. Людской муравейник на время затих, вот только какой-то пугающей была эта тишина...

Тимофей снова стоял возле Угрима, заглядывая через плечо горбатого князя.

С надвратной башни, высоко поднятой княжеской волшбой, было удобно наблюдать за неприятельским станом, тылы которого терялись где-то в дальних лесах и перелесках. Тимофей скользнул взглядом по императорскому шатру, окруженному тройным кольцом охраны. Похоже, его величество Феодорлих Гуген Второй, несмотря на немощь, самолично прибыл под Острожецкие стены вместе со своим войском. Однако подготовкой к штурму заправлял, конечно, не он.

Распоряжения отдавал маленький человечек в красных одеждах. Придворный колдун и советник императора Михель Шотте в сопровождении небольшой свиты мелькал то тут, то там. Часто возле латинянского мага можно было видеть женскую фигуру. Арина Никейская не скрывала своего присутствия. А может, чародей и ворожея специально демонстрировали осажденным, что они теперь заодно.

Пугали...

К атаке латиняне подготовились быстро и основательно, изрядно проредив при этом окрестные леса. За лагерным частоколом появились добротные и длинные, словно сбитые для штурма небес, лестницы. Там же лежали осадные щиты и стояли плетеные корзины с землей и камнями – засыпать ров. К лестницам, щитам и корзинам уже подтягивались вооруженные отряды.

Особенно выделялась массивная и высокая – вровень со стенами Острожца на скальном основании – деревянная башня, увенчанная площадкой для стрелков и широким перекидным мостиком. Многоярусный турус стоял на дубовых катках в полтора обхвата. Такая же бревенчатая гать была уложена на несколько саженей перед осадной башней.

Сооружение производил сильное впечатление, но Тимофей не представлял, как такую машину можно сдвинуть с места. Куда больше его беспокоил камнеметный порок, тоже выглядевший весьма внушительно.

Латиняне изготовили всего один камнемет, но зато какой! Метательная машина с небольшую крепостную башенку располагалась далековато: из лука не достать. К тому же спереди и по бокам ее прикрывали дощатые щиты в два человеческих роста.

Больше всего порок напоминал шалаш, сложенный из бревен и поставленный на широкое основание. В верхней части крепился гигантский рычаг. Длинный конец рычага, снабженный пращей, медленно клонился к земле. На коротком – обращенном к крепости – покачивалась крепкая мелкаячеистая сеть, набитая то ли камнями, то ли свинцовыми слитками. Груз-противовес, надо полагать. И по всему видать – груз немаленький. Упругий рычаг аж изгибался под чудовищной тяжестью.

По обе стороны «шалаша» крутились два деревянных колеса на толстой оси. Колеса – наподобие беличьих, только внутри каждого размерено шагала пара кнехтов. Вероятно, таким образом латиняне заряжали свой чудо-канемет.

Ага, кажись, зарядили. Колеса перестали крутиться. Приставленные к пороку кнехты пропустили ремни и канаты пращи между опорных стоек «шалаша», вкатили в плетеный карман отесанную глыбу размером с хорошего бычка.

В общем-то, принцип действия латинянской машины был понятен: поднятый противовес падает вниз, праща со снарядом взлетает вверх. Не понятно только, сработает ли порок. Сможет ли добросить эту глыбу до укреплений Острожца?

А что если сможет?

Тимофей поежился.

Ежели многопудовой каменюкой шарахнуть по стене, да со всей мочи. Да еще раз. Да повторить...

Скальную породу, поднятую Угримовым волховством, камнемет, быть может, и не порушит, но вот верхние надстройки стен посшибает запросто. Вместе с людьми притом.

Поставленные у бойниц лучники, которым надлежало первыми встретить врага, притихли. Снизу молча смотрели облаченные в броню дружинники, готовые по первому зову взбежать на стены. Ждали приказа ополченцы, сбившиеся тесными кучками вокруг десятников и сотников.

Тимофей покосился на горбатую фигуру волхва. Угрим пока не произнес ни слова. Ищерский князь молча наблюдал за приготовлениями осаждающих.

Ожидание становилось томительным, молчание – невыносимым.

– Как думаешь, княже, латиняне добросят камень до стен? – не выдержал Тимофей.

– Это требучет, – Угрим ответил, не повернув головы. – Мощный порок. А если его мощь еще и усилена магией...

– Ты же защитил крепость от чужого колдовства! – вскинулся Тимофей.

– Защитил, – кивнул князь. – Поэтому к стенам полетит обычный камень. Только прежде чем он долетит до них, его ведь можно и подтолкнуть волшбой и направить в нужное место.

– Значит, латинянские снаряды могут до нас долететь? – нахмурился Тимофей.

– Могут, – прозвучал бесстрастный ответ. – И, скорее всего, долетят.

– И сделать ничего нельзя?

– Можно, – столь же сухо и невозмутимо ответил князь. – Если не упустить момент. Если поставить щит на пути ядра. Щит должных размеров и достаточной крепости. В нужное время и в нужном месте.

О каком щите идет речь, Тимофей спрашивать не стал. Такую каменюку способен остановить в полете только волховской щит.

Латиняне приготовились к первому выстрелу. Кнехты из obsługi отступили на добрую полусотню шагов. Возле требучета остался только один человек. Здоровый, как медведь, голый по пояс, с большим молотом в руках он застыл справа от порока.

А впрочем, нет, он был не один. К метательной машине направлялся... Ну да! Красная накидка, красный колпак. Михель-колдун! Значит, Угрим прав: без чародейства не обойдется.

– Кня... – Тимофей не успел договорить.

Латинянский молотобоец обрушил свое орудие на крепь, удерживающую метательный конец рычага. Молот вышиб запорный клин. С глухим стуком, слышимым даже здесь, на стенах, рухнул многопудовый груз противовеса.

Рычаг дернулся вверх. Взметнувшаяся следом праща взлетела по широкой дуге еще выше. Ременная петля-крепление соскользнула с гладкого крюка. Праща раскрылась, вышвыривая снаряд...

В тот самый миг, когда камень вырвался из плетеного кармана, Михель сделал шаг вперед. Взмах обеими руками... Колдун словно толкнул к небу воздушную волну.

Магический пасс придал валуну дополнительное ускорение. Вертясь в воздухе и ввинчиваясь в него, подобно сухому листу, подхваченному смерчем, тяжелая глыба устремился вверх. Сначала – вверх...

* * *

Снаряд не терял, но лишь наращивал скорость. Снаряд летел все выше, выше. Быстрее, быстрее...

Ни один порок, сооруженный человеческими руками, сколь бы мощным он не был, и сколь бы хитроумным и изобретательным не был его создатель, не смог бы зашвырнуть ТАКОЙ валун ТАК высоко. Но чародейство опытного колдуна многократно множило силу стенобитной машины.

В наивысшей точке своего полета – где-то на полпути между лагерем осаждающих и городскими укреплениями – глыба обратилась в едва различимое пятнышко. А потом...

Фигура в красном вновь взмахнула руками. Широкие рукава, будто крылья, опали вниз.

Снаряд начал падать. С еще большей скоростью, чем поднимался вверх.

Аккурат на четырехскатную крышу надвратной башни.

Тимофею сделалось не по себе. Бешено вращающаяся глыба летела на их с Угримом головы.

На стенах справа и слева раздались тревожные крики стрелков.

Тимофей как замороженный следил через бойницу за округлой выщербленной смертью, закрывшей, казалось, уже весь свет. Вот сейчас! Ударит, сомнет, разобьет кровлю. Завалит, засыплет и размажет всех, кто под ней. Снесет верхнюю боевую площадку. Обрушит башню...

Еще мгновение, еще полмгновения жизни.

И не отойти ведь уже, не отбежать. Не спастись. Не успеть. Если только...

Краем глаза Тимофей уловил стремительное движение князя.

Угрим, пристально следивший из-под прищуренных век за каменным ядром, резко подался к бойнице, взмахнул руками, очерчивая раскрытыми ладонями продолговатый овал. Перед лицом, перед собой, перед всей надвратной башней.

На эту-то незримую преграду и наткнулся латинянский снаряд.

Послышался сухой хруст камня о затвердевший воздух. Тимофей отчетливо различил искры, брызнувшие из сдавленного нутра валуна.

– Крысий потрох! – только и смог вымолвить он.

Глыба, остановленная в нескольких локтях от башни, разорвалась в пыльном дыму как татарский сосуд с громовым порошком. Разлетелась на куски, выстрелила фонтаном битого щебня. Искрошилась. Осыпалась шуршащим камнепадом на ров, на вал, на скальное подножие крепостных стен.

То ли колдовской щит, поставленный Угримом, оказался недостаточно велик, то ли недостаточно крепок, но несколько осколков – небольших, сильно отклоненных в сторону – все же, долетели до стены. Раскрошились об окаменевшие бревна. Ударили по забору. Мелкая каменная россыпь брызнула в бойницы, на боевых площадках за клубилась пыль. Вскрикнул первый раненный.

Все же зацепило кого-то!

Тимофей поморщился, как от головной боли, князь тоже неодобрительно покачал головой. Еще бы! Сейчас каждый дружинник на счету.

– Княже, а можно останавливать камни дальше от стен? – спросил Тимофей,

– Чем дальше ставишь щит, тем сложнее его укрепить, удержать, поймать на него чужой снаряд и совладать с чужой магией, – ответил Угрим.

Выходит, нельзя...

Ошеломленные лучники уже выглядывали из бойниц и смотрели на клубящееся под стенами облако пыли. Раненого – молодого ратника с разорванным кольчужным рукавом – спустили вниз. Его место занял новый стрелок.

– Силен Михель, – пробормотал Тимофей. – Такую глыбину, да эдак зашвырнуть – не шутка!

– Да, это сильный чародей, – согласился Угрим. – Но не всемогущий. Против него одного выстоять можно. Беда в том, что он не один. Меня сейчас интересует Арина. Где она? На что приложится ее сила?

В самом деле... Тимофей скользнул взглядом по вражескому лагерю. Гречанки, что прежде так и вилась вокруг латинянского мага, теперь видно не было. Странно это и тревожно.

А латиняне уже сустились вокруг камнемета. Обслуга осматривала и проверяла деревянную конструкцию: не расшаталась ли, не треснула после первого выстрела. Гигант-молотобоец искал вышибленный клин. В беличьи колеса влезали кнехты. Только маленькая красная фигурка позади порока стояла неподвижно. Михель наблюдал за крепостью.

Стенобитное орудие вновь пришло в движение. Провернулись и закрутились деревянные колеса. Медленно-медленно начал подниматься груз противовеса. Так же медленно опускался метальный конец рычага.

Перезаряжать такой порок – дело долгое. Но не бесконечное.

Тимофей косился на Угрима, однако заговорить с князем не решался.

Угрим обратился к нему сам:

– Убери лучников со стен, воевода, – велел князь. – В башнях оставь по одному дружиннику.

– По одному человеку на башню? – удивился Тимофей. – Не маловато ли?

– Хватит, чтобы наблюдать. А начнется штурм – поднимутся остальные. Пока идет обстрел, пусть люди хоронятся под стенами. Воинов у меня мало, и терять их понапрасну я не хочу.

Помолчав немного, Угрим пояснил:

– Сейчас Михель только пристреливается, да ко мне присматривается. Он еще не бил по настоящему. Но может ударить в любой момент.

Вот оно как! Обрадовал князь, нечего сказать...

– В общем, гони ратников прочь, Тимофей! Не время им сейчас умирать. Потом. Позже. Успеют еще...

Потом, значит? Позже, значит? Успеют, значит? Ну что ж... Приказ Тимофея, подхваченный зычными голосами дружинников, облетел крепость. Лучники спустились вниз. Только на башнях остались одинокие наблюдатели.

А беличьи колеса вражеского порока все вращались. Неподъемный груз поднимался. Рычаг, опутанный пращевыми ремнями, клонился к земле...

* * *

Еще трижды обрушивались глыбы на стены. Трижды латинянский чародей силой магии подталкивал и направлял многопудовые ядра к цели. Но всякий раз на пути летящего снаряда в последний момент возникал незримый волховской щит. Каменные шары раскалывались и осыпались вниз, так и не достигнув крепости. А редкие осколки, что все же перелетали через заборало, не способны были причинить кому-либо вреда на опустевших галереях и боевых площадках.

В четвертый раз вместо валуна обслуга камнемета принялась укладывать в пращевой карман пузатые глиняные горшочки. Из закупоренных крышек торчали длинные тряпицы. Очень похожие на фитили...

Горшков было много, и ложились они плотно. Кнехты на скорую руку сматывали тряпичные хвосты в один толстый жгут.

– Чего это они задумали, княже? – встревожился Тимофей.

– Дурное задумали, – хмуро отозвался Угрим.

Больше князь не произнес ни слова.

«Может в горшки налито колдовское зелье? – гадал про себя Тимофей. – Хотя нет, вряд ли. От чужого колдовства крепость ведь защищена, и Михель уже должен был это почувствовать. Громовой порошок? Но у латинян его сроду не водилось. Горючая смесь? Греческий

огонь? А вот это – да, это скорее всего. Каменных стен греческий огонь не сожжет, но уж если залетит в город – не миновать пожаров.

Скверно. Очень скверно...

Латиняне возились долго. На этот раз при метательной машине осталось трое. Кнехт с факелом поднес огонь к фитильному хвосту. Толстый пучок промасленных тряпиц занялся сразу. Над связкой горшков поднялся дымок.

Факельщик отскочил. Ударил молотобоец.

Вылетел запорный клин. Рухнул груз-противовес. Длинный рычаг дернулся к небу. Взвилась праща. Фигура в красных одеждах шагнула вперед, взмахнула руками...

Пылающая гроздь – вертящаяся, разгорающаяся в полете все сильнее и ярче – устремилась вверх. Жирным черным шлейфом потянулся дымный хвост.

А потом... Потом случилось то, чего Тимофей никак не ожидал. Возможно, и Угрим – тоже.

Латинянский маг резко развел руки. Огненная гроздь, повинувшись воле чародея, распалась на множество дымящихся шаров.

Теперь на крепость низвергалась целая россыпь зажигательных снарядов. Горшки разлетались все дальше друг от друга, накрывая все большую площадь.

На этот раз Угрим не стал дожидаться, пока огненный град приблизится к стенам. Одного магического щита – небольшого и прочного, способного остановить в полете каменную глыбу было теперь недостаточно. Сыплющиеся с неба снаряды князь встретил судорожными взмахами рук – хаотичными и бессмысленными на первый взгляд. Но лишь на первый.

Шепча заклинания, Угрим торопливо размазывал волховскую защиту по воздуху – в тончайшую пленку, в паутину, оплетающую пространство над укреплениями. Руки князя чертили полосу за полосой – слабые, ненадежные, но густые и частые путы, пальцы пряли незримые нити, должны остановить или хотя бы отклонить дымящиеся горшки.

Каменное ядро, наверняка, легко прорвало бы такую преграду, но глиняные сосуды с горящими... догорающими уже фитилями были не столь велики и не столь тяжелы. Следовало только успеть поставить препятствие перед ними всеми.

Увы... Снарядов было слишком много. Князь спешил, но не успевал. За всеми – нет.

На невидимое препятствие наткнулся первый горшок.

Да, так и есть – греческий огонь!

Х-х-х-р-р-р-с-с-с! – лопнула глина. Темная жижа выплеснулась наружу, соприкоснулась с фитилем.

Пш-ш-ш-х-х-х! – из черных клубов рванулись алые язычки. Пламя брызнуло во все стороны. Огненная клякса полыхнула в воздухе, но так и не дотянувшись жгучим крапом до крепостных стен.

Клякса замерла, зависла на долю мгновения. И – заструилась вниз.

Но прежде, чем жидкий огонь коснулся земли...

Х-х-х-р-р-р-с-с-с! Х-х-х-р-р-р-с-с-с! – разбились о воздух еще два глиняных сосуда.

Пш-ш-ш-х-х-х! Пш-ш-ш-х-х-х! – взвились и опали два новых огненных роспеска.

Снаряды сыпались один за другим, падали одновременно, по два, по три...

Х-х-х-р-р-р-с-с-с! Пш-ш-ш-х-х-х! Х-х-х-р-р-р-с-с-с! Пш-ш-ш-х-х-х! Х-х-х-р-р-р-с-с-с! Пш-ш-ш-х-х-х!..

Большей частью горшки раскалывались на подлете к стенам. Некоторые не разбивались сразу, а увязали в упругих чародейских силках, замедляли движение и, отведенные от стен, скользили вниз. Свое пламя они расплескивали уже у подножия скального основания.

Однако с полдюжины зажигательных снарядов все же пролетели в прорехи волховской защиты. Дымящиеся шары упали на стену, за стену...

Тимофей только успевал вертеть головой, отмечая, где горит.

Огонь вспыхнул на шершавой поверхности скального монолита – в верхней его части, почти коснувшись окаменевших бревен и воротных створок. Плавающие пузырящиеся ручейки поползли вниз, оставляя на камне жирные темные потеки.

Справа пламя объяло крышу угловой башни и протекло внутрь – на боевую площадку. Дико закричал оставленный там дружинник.

Слева – на соседнем пролете стены – тоже полыхало вовсю. Здесь небольшой сосуд с горючей смесью угодил точно в бойницу, и пламя сразу охватило полгалереи. Ратников там не было, ну а окаменевшему дереву внешних стен огонь не страшен. Куда больше вреда он мог сейчас причинить строениям Острожца, расположенным за городскими стенами.

Мог – и причинял.

Два горшка, перелетев через заборало, упали в город. Один расплескал огонь под деревянной стеной детинца. Второй угодил в крышу княжеских хором. В обоих местах занялось сразу – сильно и быстро. Сухое дерево оказалось лакомой добычей для жидкого пламени.

Внизу закричали. Заметались по улицам ополченцы с ведрами. Но вода помогала мало. Греческий огонь водой не затушить. Его землей душить нужно.

– Кр-р-рысий потрох! – прорычал Тимофей. Ох, непросто будет отбивать штурм, когда за спиной полыхают пожары.

Угрим времени на бесполезную брань не тратил. Отступив от наружной бойницы, князь-волхв забормотал очередное заклинание.

Раз – и руки Угрима раздвинули воздух.

А вместе с воздухом...

Тимофей охнул... Вздрыбились земля. Избы, стоявшие под разгорающимся детинцем отползли в стороны, повалились, сложились друг на дружку. Лопнула и раздалась вправо-влево бревенчатая стена внутренней крепостцы, также отодвинутая от пылающего участка. Пламя теперь горело на пустом, неровном и ухабистом пяточке. Пищи для огня на этом пустыре не было.

А руки Угрима уже не раздвигали, а будто сгребали воздух в кучу. И земля вновь приходила в движение.

Вот князь-волхв сомкнул ладони, словно воды зачерпнул. А вот – подбросил зачерпнутое вверх.

Пустырь взорвался. Земля – сырая, черная, жирная, тяжелая, глинистый пласт, россыпь выданных из-под глины камней – все это в мгновение ока взметнулось над огнем.

И обрушилось сверху. Круша, ломая. Сбивая пламя, засыпая и удушая его. Еще секунда – и там, где только что разгорался пожар, теперь высится дымящийся холм, да оседает пыль.

Все. Потушено. Здесь – да. Но как же княжеский терем?

Терем с полыхающей крышей стоял особняком. Его отделять от других построек не потребовалось. А потому...

Угрим снова сгреб воздух. Подбросил... Княжеские хоромы с горящей верхушкой пошатнулись. На этот раз земля, глина и камень поднялись из-под самого крыльца.

Второй земляной фонтан ударил выше и сильнее первого. Достиг объятай огнем маковки, осыпался вниз. Сбил горящую кровлю, присыпал и погреб под собой пламя.

Борясь с пожаром, князь не жалел ни чужого, ни своего добра.

* * *

Со стороны латинянского лагеря донесся гулкий и протяжный вой боевых рогов. Тимофей бросился к бойнице.

– Иду-у-ут! – послышалось с соседней башни. Тамошний наблюдатель орал во всю глотку. – Латиняне иду-у-ут!

Действительно, в рядах осаждающих наметилось шевеление. К пороку и обратно метались конные гонцы. Михель отдавал приказы, и приказы мага неземедлительно выполнялись.

Вперед уже выдвинулись кнехты с тяжелыми осадными щитами – павезами – большими, широкими, с прорезями-бойницами поверху. Каждый щит тащили по два-три человека. Щитов было много, и поставленные вплотную друг к другу они напоминали сплошную дощатую ограду.

Сразу за щитоносцами, следовали арбалетчики и лучники. За стрелками шли несколько десятков человек с охапками хвороста с бревнами, с корзинами, наполненными землей и камнями. Эти, по все видимости, должны были засыпать ров и проложить дорогу осадной башне. А башня...

У Тимофея глаза полезли на лоб.

Массивный турус вздрогнул, покачнулся и сдвинулся с места. Сам! Но как?! Тягловой скотины не впряжено, кнехты вокруг не копошатся, а громадное многоярусное сооружение ползет.

Тимофей присмотрелся. Дубовый настил, на котором высилась башня, двигался тоже. Катились, как под пологую горку, тяжелые бревна гати. Объяснить такое можно только одним. Чародейство.

– Вот она, значит, где, – слышался голос Угрима.

– Кто? – не сразу понял Тимофей.

– Арина.

И в самом деле! За сдвинувшейся башней уже можно было разглядеть хрупкую женскую фигурку. Никейская ворожея выписывала руками сложные пассы, словно исполняя диковинный танец – медленный и текучий. Движения Арины были плавными и округлыми, не то, что резкие взмахи Михеля. Гречанка как будто боялась расплескать молоко из крынки. Наверное, так и нужно двигать высокую башню – осторожно, аккуратно. Излишнее рвение и поспешность могли опрокинуть турус.

Осадная башня приближалась медленно, но неумолимо.

– Что ж, все верно, – задумчиво проговорил Угрим. – Кому-то камни и горшки с полымем швырять, а кому-то турусы толкать.

В голосе князя крылась тревога. Еще бы! Уж если ядра латинянского порока долетают до крепости, то и осадная башня вполне способна доползти до защищенных магией стен. Даже если Арина не сможет поставить турус вплотную, вон какие мостки высятся на верхней площадке! Они-то точно достанут... Да и лучникам-арбалетчикам с башни обстреливать городские укрепления куда как сподручнее.

Позади сдвинувшейся первой линии латинянского воинства, уже становилась вторая. Возле длинных лестниц плотными шеренгами выстраивались безоружные и бездеспешные кнехты. Спереди и по флангам их прикрывали щитоносцы с прямоугольными щитами в рост человека.

Трубы и рога загудели снова. И вот уже лестницы водружены на плечи, а щиты заслонили носильщиков. Штурмовые лестницы, словно узкие лодки, поплыли к крепости.

Третий сигнал привел в движение пешие полки, щетинившиеся копьями. Иноземные наемники, примкнувшие к армии Феодорлиха и Михеля, ровными рядами шагали за второй линией. Следом сплошным валом повалили спешенные имперские рыцари в легких, пригодных для штурма, доспехах. Каждый рыцарь вел за собой своих оруженосцев и слуг.

В поле перед крепостью становилось тесно, однако, с высоты надвратной башни было видно, что на первый штурм Михель отправил лишь малую часть имперского воинства. Всей латинянской рати под невеликой крепостью попросту негде было бы развернуться.

– Стрелков на стены, – приказал Угрим.

– Только стрелков? – уточнил Тимофей.

– Пока – да, – князь не отводил взгляда от вражеского войска. – Когда латиняне перейдут ров... если перейдут, поднимутся остальные.

Тимофей отошел от бойницы и перегнулся через внутренние ограждения. Крикнул вниз:

– Лучники-и-и! К бойни-и-ицам!

– К бойницам! – подхватили десятники и сотники. – Стрелки – к бойницам!

По выступам скальной породы, по деревянным лестницам, обращенным в каменные, взбегали лучники. Каждый занимал свое место.

Глава 2

Место, в котором оказался Зигфрид фон Гебердорф со своим небольшим отрядом, напоминало округлое ристалище, окруженное отвесными скалами. Единственным выходом отсюда был узкий распадок на противоположном конце скальной ограды. От колдовского прохода, из которого они вывалились на незнакомое горное плато, не осталось ни следа.

Около двух десятков человек – рыцари, оруженосцы и слуги-кнехты, следовавшие за бароном – недоуменно и настороженно оглядывались вокруг. Четверо всадников лишилось коней, ибо конь с переломанными ногами – уже не конь. Покалечилось двое воинов, неудачно упавших на камни. Впрочем, увечья были не тяжелыми: от серьезных травм уберегли доспехи.

Поскрипывали зарядные ворота арбалетов. Стрелки – их было двое – по приказу Зигфрида взводили самострелы. Так, на всякий случай.

Татарских послов, за которыми гнался Зигфрид, поблизости не оказалось. Зато на камнях лежал незнакомый старик, потоптанный копытами. Очень странный старик, кстати. Странное обличье. Странные одежды...

– Язычник какой-то богомерзский, ваша милость, – растеряно пробормотал Карл Баварец – верный и прилежный, но не сдержанный на язык оруженосец Зигфрида.

Да уж, язычник, самый что ни на есть. Сухое желтоватое лицо, приплюснутый нос, глазки-щелочки. Белая куртка с просторными рукавами, подвязанными тесемками. Широкие белые штаны. Разметавшаяся накидка – тоже белая, украшенная кисточками, полосками ткани и цветными шнурками. На ногах – соломенные сандалии. Голову незнакомца едва прикрывала черная плоская шапочка, туго увязанная под подбородком. Из-под шапочки выбивались длинные седые волосы. Слабая птичья грудь старика едва заметно двигалась. Но старик дышал. Пока еще дышал...

В стороне валялись сучковатый посох и опрокинутый короб с заплочными лямками. Еще дальше лежал диковинный самоцвет. Чистый, прозрачный, помеченный неведомыми письменами, по форме смахивающий на граненое яйцо. Внутри кристалла темнела – Зигфрид не сразу поверил своим глазам – нога! Человеческая нога, аккуратно срезанная у самого бедра и невесть как впечатанная в кристалл. Нога была усохшей, маленькой, будто нога младенца, и черной, как обгорелая головешка.

Зигфрид отдал Карлу копье, щит и шлем. Спешился, склонился над самоцветом...

Долго гадать, что это такое, ему не пришлось. Императорский чародей и ближайший советник его величества Михель Шотте, отправляя погоню, велел искать не только и даже не столько самих ханских посланцев, сколько некую Реликвию, похищенную из вебелингского замка. Видимо, послами же и похищенную. О пропаже было сказано скупо и кратко. «Черные Мощи в прозрачном ковчежце-кристалле, – такое описание дал придворный маг. – Если найдете – поймете».

Зигфрид нашел. И понял. Колдовская штучка – сразу видать...

«Если вернете – получите награду, о которой не смели мечтать», – об этом Михель, кстати, упомянул тоже.

Барон покосился на неподвижное тело в белых одеждах. Может, сбежавшие послы отдали Реликвию этому старику? Интересно, кто он? Плосколицый иноземец с узкими глазами вполне мог оказаться татарин, но с той же долей вероятности он мог им и не быть. Татары, насколько знал Зигфрид, кочуют по степям, где достаточно корма для их бесчисленных табунов. Зачем степнякам забираться в горы?

Старик шевельнулся. Из сомкнутых губ вырвался хриплый стон, вытолкнув струйку крови. Хорошо, что не насмерть затоптали. Старик будет жить. Хотя бы немного, но будет.

Зигфрид улыбнулся уголком рта. Может, язычник сумеет хоть что-нибудь объяснить? А не сумеет – что ж, ему же хуже.

– Связать, – приказал Зигфрид, взглядом указав на чужеземца.

Пусть приходит в себя в путах – покладистей будет. Да и безопасней так. А то мало ли... Кто знает, чего можно ждать от старика, при котором найден магический кристалл.

К незнакомцу приблизились двое кнехтов с мотком веревки. Уж чего-чего, а веревок в облавном отряде хватало.

Кнехты склонились над чужаком. Склонились и...

Узкие, похожие на глубокие складки, глазки вдруг открылись. Старик вскинул руки. Колыхнулись широкие рукава, разжались скрюченные пальцы. Над поднятыми ладонями сверкнул яркий желтоватый огонек. Отблеск того же колдовского огня блеснул в щелочках глаз.

Язычник даже не коснулся людей Зигфрида, но оба кнехта отлетели от легкого взмаха старческих рук так, будто попали под таранный копейный удар. Брошенные на камни воины еще катились кубарем, а чужеземец уже стоял на ногах. Его губы что-то шептали. Руки тянулись к валявшемуся на камнях посоху.

Зигфрид оторопел. Невозможно! Никак невозможно такое, если по тебе пронесся рыцарский конь, да не один. Если ты обычный человек – нельзя просто полежать немного и вскочить вот так запросто.

А если не обычный?

Старик этот был явно не из обычных людей. Сильным магом был старик. А с чародеями шутки плохи. Особенно с иноземными чародеями.

Оцепенение спало.

– Убить его! – крикнул Зигфрид, и обнажил меч.

* * *

Стрелки подняли арбалеты в тот самый момент, когда посох оказался в руках желтолицего язычника.

Два щелчка. Две стрелы, пущенные в белую фигуру с трех-четырёх шагов, практически в упор. Но...

Взмах сучковатой палки. Гудение воздуха. Сияющая дуга, вспыхнувшая на миг и тут же погасшая...

Болты ударили в скалу за спиной старика. Его самого – не задели. В руках и посохе чужеземца крылась колдовская мощь, способная, как вскоре выяснилось, не только отклонять арбалетные болты.

Язычника атаковал один из рыцарей Зигфрида. Тяжелый меч метил в маленькую черную шапочку колдуна, но на пути клинка возник посох. Любую другую палку меч перерубил бы в два счета. Любую другую, но не эту.

Жалобно тренькнула сталь. Клинок переломился надвое. Старик нанес ответный удар. Вроде бы и не сильно махнул – словно надоедливых мух отгонял, однако щит, подставленный под посох, разлетелся в щепу. Второй удар – другим концом посоха – последовавший сразу же за первым, пришелся в шлем нападавшего. Небрежный взмах палки снес с плеч шлем вместе с головой. Смятое железное ведро, грохоча и брызжа кровью, покатилося по камням. Обезглавленное тело рухнуло к ногам старика – такого маленького, хлипкого и немощного на вид.

Справа послышался стук копыт. Второй рыцарь Зигфрида попытался достать чужеземца копьем с седла. Не смог. Сучковатая палка играючи срубила копейный наконечник вместе с банером, а в следующий миг перебила хребет коню. И жеребец, и всадник отлетели в сторону.

С третьим противником колдун расправился еще быстрее. Перехватив посох за один конец, другим ткнул нападавшего в грудь. Прочный стальной нагрудник не уберег от тупой палки: окровавленный конец колдовского посоха вышел из спины, порвав кольчугу, выворотив обломки ребер и разбитые позвонки.

А язычник уже наступал сам. Не прекращая бормотать заклинания и вращая над головой свой страшный посох, он шел к кристаллу. К Черным Мощам.

Карла Баварца, оказавшегося на пути, старик отшвырнул с дороги. Однако задерживаться, чтобы добить оруженосца, не стал.

Зигфрид бросился к кристаллу. Если этот чужак настолько опасен сейчас, если его палка столь легко крушит латы и ломает закаленные клинки на что будет способен колдун, когда доберется до магического артефакта?

– Частокол! – приказал барон. – Стравить частокол!

Справа и слева к нему уже подбегали и подъезжали рыцари. Сзади уплотняли ряды и выставляли копья оруженосцы и кнехты. Живая стена заслонила язычнику путь. А щуплая фигура в белых одеждах приближалась. Бешено крутящийся над головой старика посох нагнал ветер и страх.

Это будет трудный бой. И, возможно, последний. Но если навалиться всем вместе, разом, быть может, кому-то и удастся пробить защиту колдуна.

Зигфрид поднял меч. Но отдать команду не успел.

По плато разнесся короткий яростный вскрик.

Кто-то будто толкнул старика в спину. Вращающийся посох вырвался из рук колдуна. Прогудел над головами германцев, ударился о скалу. Отколол изрядный кусок камня, переломился сам...

Барон в изумлении уставился на иноземного мага. По белой накидке расплывалось кровавое пятно. Из-под правой ключицы торчало плоское стальное острие. За спиной колдуна подрагивало орлиное оперение легкой и необычайно длинной – в добрых десять ладоней – стрелы.

Еще один толчок – и еще одна стрела, пронзив чародея насквозь, показало свое хищное жало.

Язычник взревел, крутанулся на месте, оборачиваясь. Третью стрелу он принял грудью. На этот раз плоский наконечник вышел между лопаток.

Кто стрелял? Откуда? Зачем?

Искать ответы на эти вопросы было некогда. Проклятый колдун и не думал падать. Казалось тяжелые раны, способные свалить с ног обычного человека, его только раззадорили. Желтолицый маг рванулся к кристаллу напролом.

Четвертая стрела ударила о камни в том месте, где только что стоял старик. И где его уже не было.

На этот раз чужеземец атаковал без посоха, выставив перед собой руки. Но и этот магический удар выдержать было не просто. Тугая воздушная волна опрокинула трех воинов прежде, чем кто-либо успел нанести удар. Живая стена-частокол раскололась справа от Зигфрида. Израненный, истыканный стрелами колдун, ловко уворачиваясь от мечей и копий, проскользнул в брешь, прыгнул к кристаллу. Падая, дотянулся до граненного бока. Прохрипел что-то, захлебываясь хлещущей изо рта кровью. Магический самоцвет замерцал, засветился. Язычник торжествуя оскалился и выплюнул новое заклинание.

Творилось неведомое чародейство.

Тело чужеземца быстро истаявало, одеяния утрачивали белизну, тускнели кровавые пятна, истончались древка стрел. Колдун становился прозрачным, как корка кристалла. Да и сам магический артефакт словно растворялся в воздухе. Еще немного – и проклятый старик

исчезнет вовсе. Вместе с кристаллом. Перенесется невесть куда с Реликвией, ему не принадлежащей.

Зигфрида это не устраивало. Черные Мощи были его добычей!

Барон подскочил к колдуну. Взмахнул мечом.

Он ударил по призрачной руке колдуна, лежавшей на Реликвии. Ударил за миг до того, как стало поздно. А ударив – тут же отшвырнул в сторону и кристалл, и цеплявшуюся за него руку.

Крик старика прозвучал глухо, словно издалека. Из очень отдаленного далека. Прозвучал и оборвался. Колдовство завершилось. Колдун исчез. Однако кристалл остался.

Остроносый граненый самоцвет лежал на камнях, указывая в сторону заходящего солнца. Такой же материальный и осязаемый, как прежде. Рядом в лужице крови подергивалась отрубленная по запястье рука. Тоже совсем уже не прозрачная. Обычная стариковская рука.

Даже если израненный колдун не сохнет сразу, то вряд ли он сможет быстро вернуться. Без руки трудно творить чародейство. Так что на этот счет пока можно было не беспокоиться. Для беспокойства сейчас имелся другой повод.

Зигфрид завертел головой, выискивая взглядом таинственного лучника.

Нашел...

* * *

Стрелок выехал из тесного распадка на краю плато. Он восседал на невысоком, покрытом плотной попоной, коньке. Незнакомую сбрую украшало сложное плетенье ремней, шнурков и помпонов. Диковинные стремена, свисавшие по обе стороны легкого седла, походили, скорее, на носки сапог или боевых сабонов. Голову коня закрывал жутковатый налобник из толстой кожи. Да и сам всадник...

Вид стрелок имел странный и страшный. Поначалу Зигфрид даже принял его за потревоженного демона местных гор. Потом понял: уродливая морда наездника – это всего лишь искусно выкованная стальная маска-забрало. Рога, поднимавшиеся надо лбом всадника и расходившиеся в стороны, при более внимательном рассмотрении тоже оказались ненастоящими. Две изогнутые металлические пластины на округлом клепанном шлеме, вероятно, должны были ослаблять удары вражеских мечей. Да и поблескивавший между «рогов» диск вовсе не являлся третьим оком, как решил было Зигфрид. И все же...

Чудной, все же, это был всадник. Щита при себе он не имел, но весь был обвешан жесткими щитками, сцепленными друг с другом.

К шлему помимо металлических рогов и личины-забрала крепился пластинчатый назащитный щит с небольшими отворотами поверху. На плечах болтались, будто перебитые прямоугольные крылья, огромные наплечники. Еще четыре пластины прикрывали грудь, бока и, насколько мог судить Зигфрид, спину незнакомца. Ниже виднелись плоские сегменты защитной юбки и длинные – до голеней – набедренники. Все защитное снаряжение состояло частью из выделанной и лакированной кожи, частью – из металлических вставок, а частью (причем, пожалуй, большей частью!) была сплетена из множества тонких шнуров.

Зигфрид даже усомнился: а латы ли это вообще. Может, парадное одеяние или охотничий костюм? Впрочем, оружие у всадника было, судя по всему, самое, что ни на есть боевое. Правда, столь же странное, как и шнурованный наряд.

В руках чужеземный воин держал лук, поражавший своими размерами и несуразностью. Нижняя его часть была вдвое короче верхней. Это позволяло всаднику удерживать огромный лук в вертикальном положении, не упирая в конскую шею и стрелять с седла. Впрочем, как можно метать стрелы из столь нелепого перекошенного оружия, Зигфрид не представлял.

На боку всадника висел большой обшитый мехом колчан. Из-за пояса, заменявшего, по всей видимости, рыцарскую перевязь, торчали два чуть изогнутых меча в оплетенных шнурами ножнах. Оба крепились изгибом вверх. Один клинок – длинный, другой – короткий.

Доспех и одежда незнакомца были красного цвета с редкими синими вкраплениями. За спиной, к шлему и поясу была прицеплена ярко-алая накидка. Порывы ветра колыхали ее будто плащ, заткнутый за ремень. Грудь и рукава всадника украшал незамысловатый герб в виде белого квадрата с дырой в центре.

Зигфрид не знал такого герба. Снаряжение, оружие и латы иноземного рыцаря тоже вызвали недоумение. Ничего подобного Зигфрид не видел даже у ханских послов. Но если этот лучник не из татар, кто же он тогда? Какому народу принадлежит? И чего хочет?

Незнакомец что-то прокричал. Язык был незнакомый. Голос, донесшийся из-под рога-того шлема – властный, резкий, громкий. Всадник указал своим скособоленным луком на магический кристалл, потом ткнул в землю перед копытами коня. Требуешь отдать? А ведь похоже на то...

Зигфрид криво усмехнулся. Ишь, какой шустрый!

Но странно все же: стрелок один, а как уверенно держится!

Или он здесь не один?

– К бою! – приказал Зигфрид.

Уступать свой трофей барон не собирался.

Зигфрид вскочил в седло. Рыцари вновь выстраивались по обе стороны от него. Оруженосцы, кнехты и стрелки вставали второй линией.

Чужак что-то коротко и гортанно выкрикнул.

В тот же миг, словно из-под земли, выросли человеческие фигуры, похожие на ожившие грибы. Полторы дюжины – никак не меньше. Невысокие люди в больших конусовидных касках, выскочили из-за скальных выступов и перегородили выход с плато.

Действительно, лучник оказался не один.

Пешие воины, правда, были вооружены и одеты попроще всадника. Шлемы с широкими полями, круглые кожаные нагрудники, да плотные тряпичные обмотки на ногах и руках – вот, собственно, и весь их доспех. В руках пешцы держали длинные крюкастые копья с плоскими ножевидными наконечниками. У некоторых были непривычные глазу алебарды, состоявшие из крепких шестов и широких наконечников, напоминавших массивные изогнутые мечи.

Люди-грибы стояли неподвижно. Из-под стальных шляпок напряженно смотрели плоские лица с узкими щелочками глаз.

Нет, это точно не татары, решил Зигфрид. Татары, как правило, бьются конными. Впрочем, и от этого языческого отродья тоже ничего хорошего ждать не приходилось. Тот, который на коне – видимо, здешний рыцарь, и он настроен не самым дружелюбным образом. Пешцы, надо полагать, его кнехты. Ждут приказа...

Что ж, отряд чужаков невелик. А достойный противник – только один.

– Зарядить арбалеты, – велел Зигфрид.

Вновь заскрипели зарядные ворота тяжелых самострелов. Долгое это дело. Пока натянут тетиву, пока вложат стрелу...

Чужеземный рыцарь тоже отдал какой-то приказ.

Воин, стоявший к конному лучнику ближе других, поднес к губам странный округлый предмет.

Бурдюк? Кувшин? Нет – морская раковина. Только огромная, как пивная кружка в хорошем трактире. И что, интересно, язычники собираются с ней де...

Раковина взревела неожиданно громким трубным басом. Хриплый низкий звук замесался эхом, разнесся над плато и ущельем, поднялся над отвесными скалами, перевалил через них, унесся к далеким горным хребтам.

Рог! Боевой рог – вот чем была эта раковина!

Чужаки кому-то подавали сигнал. Быть может, призывали подмогу. А вот это уже плохо, очень плохо.

Вражеский лучник прокричал из-под забрала что-то столь же долгое, сколь и непонятное. Кажется, язычник обращался к Зигфриду. Ну да, так и есть. Чужак стукнул луком по нагруднику, потом указал на Зигфрида. Закричал снова.

На поединок вызывает, что ли?

Судя по всему, так и есть. Ладно, Зигфрид фон Гебердорф от боя никогда не отказывался.

Он прикинул расстояние. Если подъехать к ровной, поросшей травой площадке перед распадком и бросить коня в галоп, чужак успеет выстрелить раз. Ну, два. Ну, три от силы. А стрелы – у него легкие, и наконечники – не то что у арбалетных болтов. Хорошую броню такие стрелы едва ли пробьют.

На Зигфриде была хорошая броня.

* * *

– Взять кристалл, – распорядился барон.

Один из оставшийся без коня кнехтов поспешил к Черным Мошам. Чужой всадник привстал на стременах, наблюдая за действиями противника.

– Шлем мне! – бросил Зигфрид.

Карл Баварец подал глухой ведрообразный шлем.

Рука чужака скользнула к колчану.

– Копье! – приказал Зигфрид.

Тяжелое древко лэнса легло в ладонь.

Но и длинная стрела конного лучника уже легла на тетиву.

– Щит!

Наруч скользнул в ременную петлю. Левая рука ощутила привычную тяжесть. Пальцы вместе с поводом сжали щитовой ремень.

Чужеземный рыцарь с незнакомым гербом медленно, особым изящным манером – словно не воевал, а красовался перед дамами – оттянул тетиву своего огромного непропорционального лука. Далеко оттянул, не к уху даже – за ухо.

Повисла напряженная тишина.

– Ждите моего приказа! – велел Зигфрид и тронул шпорами конские бока.

Барон отделился от выстроенного для боя отряда.

– Я барон Зигфрид фон Гебердорф, рыцарь его величества Феодорлиха Гугена, императора Священной Германо-Римской империи! – громко и не спеша выкрикивал Зигфрид, выводя коня с каменистых осыпей к удобной площадке на краю плато. – Если желаешь сразиться – назови себя! И если в тебе есть хоть капля рыцарской чести и благородства, бейся, как подобает рыцарю, не прибегая к оружию трусов и простолюдинов!

Видимо, чужак не считал свой лук недостойным оружием.

В воздухе промелькнула стрела.

Зигфрид молниеносно вскинул щит. Однако удара не почувствовал. Стрела прошуршала левее. Чужак промазал?

Нет, он просто целил не в него.

Сзади кто-то вскрикнул. Зигфрид оглянулся. На камнях корчился кнехт, отправленный за колдовским кристаллом. В боку кнехта трепетало орлиное оперение: легкая кольчуга не помогла бедняге.

Это было похоже на предупреждение.

– Взять кристалл! – рявкнул Зигфрид.

Второй кнехт, прикрываясь щитом, попятился к самоцвету.

Еще одна стрела мелькнула в воздухе. Прошла над верхним краем щита. Ударил под налобник открытого шлема. Кнехт упал, даже не вскрикнув.

Зигфрид глухо выругался. Если дело так пойдет и дальше, проклятый язычник перестреляет его воинов еще до начала поединка. А арбалетчики все еще возились с самострелами.

Но ничего... Перед ним уже лежала ровная, пригодная для конного наскока площадка. Барон ослабил повод и до упора всадил шпоры. Конь, всхрапнув, ринулся на противника.

Зигфрид опустил копье, прикрылся щитом...

И – вовремя: вражеский лучник выпустил еще одну стрелу.

Толчок в левую руку. Дрожащее оперение перед глазами.

И еще...

Наконечник звякнул о шлем. Ощутимо потрянуло голову, однако стрела отскочила от гладкой стальной поверхности, не причинив вреда.

Сквозь смотровую щель Зигфрид видел, как вражеский стрелок передает лук кнехту с раковинной-рогом. Как набрасывает тонкий повод на едва приметный крюк нагрудника. Как вырывает из ножен меч. Как перехватывает оружие двумя руками. Как мчится навстречу...

«Нет, он не трус», – вынужден был признать Зигфрид. Трус не стал бы без щита, с одним только мечом бросаться на противника, вооруженного длинным рыцарским копьем.

Чужак управлял конем ногами и поворотами туловища. Умный конь словно чувствовал волю всадника.

Иноземный рыцарь, похоже, умел обращаться с оружием, хотя и демонстрировал незнакомую манеру боя. Но сейчас ему едва ли удастся первым дотянуться до Зигфрида. Чужак скакал в самоубийственной атаке, не пытаясь ни отвернуть коня в сторону, ни уклониться в седле. Алая накидка за спиной язычника вздувалась шаром, будто огромный кровавый пузырь.

Зигфрид уже набрал необходимый разгон. Барон целил копьем в грудь противника. Щита у язычника нет, а чудной красно-синий доспех не выглядел достаточно надежным для того, чтобы выдержать копейный удар.

Золотистый банер трепетал на ветру. Еще немного – и массивный наконечник проломит в ребрах чужеземца дыру величиной с кулак. Еще совсем немно...

Язычник вдруг привстал на стременах, подался всем телом вперед...

Коротко блеснуло отраженное солнце. Клинок чужака молнией обрушился на копье Зигфрида. Полоснул кончиком под банером. Удар был сильным, с режущим оттягом, а сталь – острой и крепкой.

Обрубленный наконечник лэнса, полетел под копыта коня. Копье слабо качнулось, было, туда же, вниз. Но Зигфрид удержал древко.

Укороченное почти на локоть копье ударило-таки в красно-синюю грудь. Зигфрид ощутил привычную хрусткую отдачу. Древко, прижатое правым локтем к боку, дернулось назад. Переломилось. Полетела щепка.

Конечно, тупой лэнс не пробил вражеского доспеха, однако с такой силой вышиб чужака из седла и швырнул наземь, что тот так и остался лежать недвижимым. Меч выпал. Рогатый шлем откатился в сторону.

Пешие слуги кинулись на помощь поверженному господину. Люди-грибы яростно кричали и размахивали оружием. Желтолицы кнехты явно вознамерились отбить павшего рыцаря. Что ж, похвальная верность. Похвальная и самоубийственная.

Зигфрид отбросил обломок копья, вырвал из ножен меч. Взмахнул клинком, проревел: – В атаку!

Арбалетчики, зарядившие, наконец, самострелы, ударили первыми. Хорошо, метко ударили, в самую гущу врага: два болта свалили сразу трех человек. Рыцари под предводитель-

ством барона обрушились на язычников, подобно смерчу. Раздвинули неровную хлипкую стену копий. Вломились. Врубились...

Кто-то рухнул, сдернутый с седла копейным крюком. Кого-то сбили алебардой. Еще под кем-то срубили коня. Но это уже ничего не решало. Закованные в железо всадники на рослых боевых жеребцах смяли легковооруженную пехоту в считанные секунды. Когда подоспели оруженосцы и слуги, врага оставалось только добить.

* * *

Пленных было всего двое. Иноземный рыцарь, оглушенный в самом начале схватки и его слуга-сигнальщик, сопротивлявшийся до самого конца. Желтолицего кнехта свалил удар секиры по каске. Та же секира разнесла вдребезги и раковину-рог.

Зигфрид велел обезоружить пленников и стянуть с них доспехи. Ненадежные шлемы и легкие латы барон отбросил в сторону. Такие доспехи не внушали ему доверия. А вот оружие рыцаря-чужака Зигфрида заинтересовало. Пока пленников приводили в чувство, он с любопытством разглядывал меч недавнего противника.

Сталь была превосходной. Форма клинка – непривычной. Блестящий чуть изогнутый, с односторонней заточкой и скошенным острием он представлял собой нечто среднее между прямым рыцарским мечом и кривой татарской саблей. Необычайно острое лезвие. Волнистый рисунок отполированного металла вдоль рубящей кромки. Небольшая округлая гарда вместо привычного крестообразного эфеса. На тыльной стороне – зарубки – видимо оставленные вражеским оружием. Удлиненная, предназначенная для двуручного боя, плетенная рукоять. Черные лакированные ножны, также обмотанные шелковыми шнурами...

Второй – короткий – меч иноземца оказался уменьшенной копией длинного клинка. Впрочем, был ли он мечом или все же являлся удлиненным кинжалом, Зигфрид так и не смог понять. Кроме того, в кармашках на ножнах малого меча-кинжала обнаружился небольшой ножик и длинная острая игла.

– Ваша милость, – к Зигфриду подступил Карл.

– Что? – повернулся к оруженосцу барон.

– Там это... Пленники очухались, ваша милость. Можно начинать...

Язычники, действительно, уже не лежали, а сидели, поджав под себя ноги. Неподвижные и бесстрастные, как каменные истуканы. Невозмутимые желтые лица. Полуприкрытые глазки-щелки.

Начать Зигфрид решил с пленного рыцаря.

– Кто ты? Где твой замок? Кому ты служишь? Что это за страна? Известно ли тебе, где искать татар?

Сначала Зигфрид задавал вопросы по-немецки. Потом вспоминал свои невеликие познания в итальянском, французском и английском: эти языки довольно часто звучали при императорском дворе и на турнирах. Потом попытался связать пару слов на сарацинском наречии, которое Зигфриду довелось слышать во время похода в Святую землю.

Чужеземец молчал. Всем своим видом язычник выражал глубочайшее презрение.

– Что ты ищешь в горах? – терпеливо продолжал Зигфрид. – Почему напал на старого колдуна? Зачем стрелял в моих людей? Для чего дрался со мной? Кому трубил твой слуга?

И – ни звука в ответ.

– Ты слышишь меня?! – рявкнул взбешенный барон.

Конечно, не слышать его чужак не мог. Но и на крик Зигфрида он никак не отреагировал.

Барон яростно размахивал руками, полагаясь больше на жесты, чем на слова. Однако пленник по-прежнему хранил молчание и не шевелился.

– Ты понимаешь?! Хоть что-нибудь?!

Нет, не похоже...

Если чужак и понимал его, то виду не подавал.

Зигфрид сплюнул. Возможно, помогли бы пытки. Но на пытки потребуется время. А его-то сейчас как раз и нет. Следовало поскорее убираться с плато: неизвестно ведь, кому и зачем подавали сигналы язычники. Тащить с собой бесполезных пленников тоже не хотелось. К чему лишняя обуза?

– Ладно, – зло процедил барон. – Мне с тобой возиться недосуг.

И потянул клинок из ножен.

Скрежет стали словно пробудил иноземца. Пленник вскинул голову. В оживших раскосых глазах вспыхнул огонек. Нет, этот воин не боялся смерти. Скорее, желал ее. Чужак встретился взглядом с Зигфридом. Протянул руки то ли в просящем, то ли в требовательном жесте. К мечу протянул! Что-то быстро и отрывисто произнес на своем напористом гортанном наречии.

Нет, пожалуй, просить он не умел, но требовать чего-то сейчас, в его положении! И тем более оружие требовать!

Каков наглец! Зигфрид почувствовал, как в жилах вскипает кровь, как боевой задор и веселая злость вновь кружит голову.

– Что, драться хочешь? Еще одного поединка хочешь?

А собственно, почему бы и нет? В конце концов, убивать безоружного пленника – недостойный и неблагородный поступок. А вот зарубить надменного чужака в руках которого будет меч – совсем другое дело. Даже если воспользоваться этим мечом он не успеет.

– Ваша милость, – сунулся было с непрошенными советами встревоженный оруженосец.

– Молчать! – осадил Карла Зигфрид. Приказал, не оборачиваясь: – Вернуть ему оружие.

– Но ваша милость...

– Я что сказал?!

Больше оруженосец не пререкался. Карл осторожно положил перед пленником его меч и кинжал. Сам поспешно отступил. Кольцо рыцарей и кнехтов плотнее сжалось вокруг чужеземца. Над головой полонянина поблескивала отточенная сталь. Стрелки подняли заряженные арбалеты.

Зигфрид ждал, не отдавая команды и не нападая сам.

– Ну что же ты? – усмехнулся он. – Бери...

Пусть только язычник протянет свою поганую лапу к мечу! И пусть только попытается встать! Клинок, уже вынутый из ножен, тяготил руку барона и побуждал к действию. Клинок требовал крови.

Пленник повел себя странно. Слабым кивком законченного гордеца он обозначил поклон, обращенный в сторону Зигфрида.

«Ишь ты! Благодарит никак!» – догадался барон, крепче сжимая рукоять меча. После благодарности могла последовать атака. Должна была последовать.

Не последовала. Вместо того, чтобы броситься к мечу, вырвать изогнутый клинок из ножен, вскочить на ноги и постараться хоть кого-нибудь зарубить перед смертью, чужеземец потянулся к кинжалу.

Неожиданный выбор.

Пленник даже не попытался встать. Язычник благоговейно поднял над головой короткий клинок, склонился перед оружием – низко, с еще большим почтением, чем кланялся Зигфриду.

Дальше было вовсе непонятно. Иноземный рыцарь зачем-то развязал и распахнул одежду на животе, обнажив мускулистый торс. Затем тщательнейшим образом подоткнул под ноги рукава и полы спавшего одеяния. Все движения чужака были неторопливы, величавы и торжественны. Он словно исполнял какой-то крайне ответственный ритуал.

Воины Зигфрида недоуменно косились на барона. Сам Зигфрид не отводил взгляда от пленника. Все происходящее могло быть просто хитростью, рассчитанной на отвлечение внимания. Вот сейчас язычник напустит тумана и, выбрав момент, метнет свой кинжал. Или, вскочив на ноги, попытается воткнуть его кому-нибудь в горло. Сам Зигфрид поступил бы именно так.

Меч в руке барона аж подрагивал от нетерпения.

Но нет, иноземец ни на кого не нападал.

Что-то бормоча под нос, он обхватил рукоять кинжала обоими руками, прислонил скошенное острие к голому животу. Желтокожее лицо было сосредоточенным и умиротворенным, как во время молитвы, узкие глаза смотрели спокойно и бесстрастно.

– Чего это он а, ваша милость? – послышался сзади приглушенный голос Карла.

Язычник поднял голову, встретился взглядом с Зигфридом. Улыбнулся нехорошей улыбкой. Какой-то уж очень нехорошей.

Зигфрид усмехнулся в ответ.

– А это он грозитя так, – хохотнул барон. – Показывает, как брюхо нам будет вспа...

Зигфрид не договорил. Осекся.

Иноземный рыцарь, не переставая улыбаться, резко и сильно надавил на рукоять. Вся живая клинок себе в живот.

Заточенная сталь легко пронзила плоть. Кинжал вошел в левое подреберье. Глубоко вошел.

Брызнула кровь...

* * *

Ни один мускул не дрогнул на желтом лице, ни единого стога не вырвалось из оскаленного рта. Только дышать пленник стал чаще, да на лбу появилась заметная испарина.

Ошеломленный Зигфрид молча смотрел на язычника. Рана, которую тот нанес сам себе, была, все всякого сомнения, смертельной, но полонянин и не думал останавливаться на содеянном. Не отводя взгляда от глаз барона, он продолжал медленно и сосредоточенно взрезать живот. Косая кровавая линия потянулась за кинжалом сверху вниз, через пупок, к правому бедру.

Зигфрид невольно шагнул вперед. Но тут же отступил. Что он мог сделать? И зачем?

На бледнеющем лице чужака еще отчетливее проступила желтизна кожи. С губ медленно сходила улыбка. Однако, гримасы боли видно не было. А ведь боль от такой раны должна быть невыносимой!

Язычник вырвал кинжал. С изогнутого клинка капала кровь. В раздавшемся разрезе виднелись влажные потроха – вспоротые и выпирающие наружу. Однако и этого чужеземцу показалось мало. Пошатываясь от слабости и боли, сдерживаемой ценой нечеловеческих усилий, пленник вновь вонзил окровавленное лезвие в левую часть живота. Только на этот раз он резал себя снизу вверх.

Руки держали оружие уже не столь крепко, узкие глаза мутнели, а побледневшие губы начинали дрожать, но, видимо, самоубийца старался довести дело до некоего логического конца.

И, наверное, довел...

Не очень ровный, но очень глубокий крестообразный разрез разошелся. Тугая склизкая связка кишок вывалилась на камни. Чужеземец повалился на нее, лицом вниз. Что-то хлопнуло, булькнуло.

Из-под упавшего человека медленно-медленно потекли темно-красные ручейки.

Пленник еще был жив. Вокруг царила гробовая тишина, и в тишине этой отчетливо слышалось хриплое дыхание сквозь стиснутые зубы. Зигфрид знал, что от ран, нанесенных в живот, не умирают быстро. Смерть от таких ран мучительна, и она не приходит сразу.

В кровавой луже подергивалось человеческое тело. Сведенная судорогой рука сжимала изогнутый кинжал.

Зигфрид гадал, чего язычник хотел этим добиться? Напугать их? Показать свое мужество? Молодому германскому барону не было понятно и не было привычно такое. Он видел смерть и не раз, но не такую.

Никогда еще на его глазах пленные не вытворяли над собой ничего подобного. Пленным полагается либо ждать выкупа, либо идти на эшафот, где с ними расправится палач. Самоубийство же... Само по себе самоубийство – великий грех, а столь жуткий способ сведения счетов с жизнью – и вовсе необъяснимое варварство.

Язычник умирал тяжело. Корчился, вытянув шею. Хрипел и захлебывался собственной кровью. Видимо, самообладание покидало его вместе с отлетающим сознанием. Зигфрид услышал первый стон: тихий, слабый, едва-едва различимый.

Все внимание барона и его воинов было приковано к иноземному рыцарю со вспоротым животом. Потому никто и не уследил за вторым пленником. Желтолицый кнехт-сигнальщик воспользовался моментом и неожиданно вскочил с земли.

Рыцарь, стоявший подле него с обнаженным клинком, не успел ничего предпринять. Только...

– Ваша ми!.. – и вскрик стража, брошенного на камни, оборвался.

Прямой рыцарский меч был теперь в руках язычника. Однако пленник не бросился наутек. И не ринулся в битву. Метнувшись стремительной тенью к умирающему господину, он взмахнул захваченным оружием.

Нанес один-единственный удар.

И когда голова самоубийцы отделилась от тела – отбросил меч с видом исполненного долга. Затем спокойно взглянул в лицо Зигфриду.

Что это было? Давние счеты? Или этот желтолицый кнехт, обезглавив старого господина, надеется выслужиться перед новым? Нет, не похоже. В раскосых миндалевидных глазах Зигфрид не видел и намека на холопскую покорность. Страха в них не было тоже. Скорее, уж гордость от содеянного. Взгляд язычника был тверд и холоден.

Может быть, слуга просто хотел прекратить страдания умирающего? «А ведь от него тоже ничего не добиться, – отчетливо понял Зигфрид. – Ни пыткой, ни посулами – никак. Даже если он понимает по-нашему».

– Ваша милость, – осторожно подступил к нему Карл. – Что прикажете делать с пленным?

– Слуга не должен поднимать руки на своего господина, – хмуро сказал Зигфрид. – Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Барон повернулся к стрелкам.

– Убить!

Два спусковых механизма звякнули одновременно. Два арбалетных болта ударили язычника в грудь. Стрелы швырнули одного чужеземца на обезглавленное тело другого.

– Уходим, – отдал Зигфрид новый приказ.

– Ваша милость, мертвых бы схоронить, – негромко пробормотал Карл. – Наших хотя бы...

– Господь милостив, – хмуро отозвался барон, – он примет их души и так.

Покойников в камнях быстро не схоронишь. А задерживаться на плато-ловушке после произошедшей стычки было опасно.

– Уходим, – повторил Зигфрид.

На этот раз перечить барону никто не посмел.

* * *

Порывы стылого ветра едва не сбивали с ног. Впрочем, иначе здесь, и быть не могло: в низаритской горной крепости Аламут ветрено всегда. А на открытой верхней площадке Башни Имама, откуда весь мир кажется павшим ниц, ветер и вовсе беснуется так, что трудно бывает услышать даже собственный крик.

У невысоких каменных зубцов стоял человек в развевающихся одеяниях – просторных и пестрых. Человек на ветру был похож на птицу, раскинувшую крылья и приготовившуюся взлететь, но отчего-то не взлетающую. Имам Времени, Шейх-аль-Джебелъ, Хасан-ибн-Шаабахт, Великий Сейд или просто Владыка – его называли по-разному.

Имам задумчиво смотрел вниз, и сейчас можно было видеть только его спину. В спину имама смотрел поднявшийся на башенную площадку крепкий чернобородый мужчина в белой накидке с широким красным поясом. Чернобородый не решался подступить близко и не смел заговорить первым. Он молча ждал приглашения.

Имам держал в руках зурну. Пронзительный звук этого инструмента обычно успокаивал хозяина крепости в минуты волнения и помогал сосредоточиться, когда приходило время размышлять о чем-то особенно важном. Имам любил играть на зурне под свист ветра.

Но сейчас зурна молчала. Имам поднял руку, выкрикнул слово, сотворил знак. Умолк и ветер. Очередной порыв разбился о невидимую преграду. Развевающиеся одежды имама опали.

Стало тихо. Достаточно тихо для того, чтобы говорить негромко. Впрочем, в этой крепости не было необходимости таиться от чужих ушей. В этой крепости все уши были своими и благоговейно внимали лишь словам одного человека.

– Ты пришел, даи?¹ – спросил имам, не поворачиваясь. Голос был сухой и скрипучий. Старческий голос.

– Я пришел, Владыка. Ты звал меня, и я пришел...

Имам отложил зурну. Однако поворачиваться к собеседнику он, по-прежнему, не спешил.

– Взгляни вниз, мой верный даи, – имам простер руку перед собой, и взгляд чернобородого поневоле обратился туда, куда было указано.

В туманную даль у подножия гор.

– Где-то там возятся двуногие муравьи, которых отсюда даже не видно, – продолжил имам. – Они копошатся из века в век, они суетятся без всякого смысла и проку. Муравьи слишком размножились, они повсюду. Муравьи вечно заняты делами, которые кажутся им настолько же важными, насколько мало эти деяния соответствуют замыслу Всевышнего. В своем неведении муравьи рассчитывают обрести спасение, но при этом ничем не способствуют истинной воле Аллаха. Ибо глупцам никогда не хватит разума постичь средоточие мудрости. Ибо без должных знаний ни у кого не достанет сил изменить греховный муравьиный мир... А что есть наш мир, даи?

– Атанор, Владыка. Алхимический тигль, бурлящий и переплавляющий... – тот, кого называли даи, без запинки ответил на неожиданный вопрос. Вернее, повторил многократно слышанное от имама.

– Вот именно! Но только избранные способны помочь Аллаху переплавить содержимое этого мира и тем очистить мир от скверны. Избранными Всевышний сделал нас. Мы должны заставить сверкать омытые кровью алмазы, и нам же предстоит отбросить в сторону и сгноить

¹ Прим.: в иерархии ассасинов-низаритов даи – начальник, командир, особа, приближенная к имаму.

навоз. Пусть достойное выльется в золотые слитки, а недостойное осыплется грязной окаленной, пылью и пеплом.

– Воистину так и будет, Владыка!

– Так будет скоро, даи. Очень скоро. Так уже почти есть.

Даи вопросительно посмотрел на спину имама.

– Пришло время. Появилось дело важнее всех прочих дел, которые я поручал тебе прежде. Есть задание, которое необходимо исполнить, во что бы то ни стало.

– Я готов, Владыка, – склонился чернобородый. – Нужно кого-то убить?

– Нужно кое-что забрать. Кое-что, чего просто так не отдадут. Поэтому – да, придется убивать.

– Могу ли я узнать, о чем идет речь, Владыка? – не сразу, но все же осмелился спросить даи. – Что именно следует забрать и где?

– Можешь, – ответ прозвучал после недолгой взвешенной паузы. – Потому что ты поведешь фидаинов. Вы отправитесь за Костью Силы.

– Кость? – поднял голову даи. – Удалось найти еще одну Кость?

– Еще нет. Но теперь мне известно, где ее следует искать. Кто-то уже воспользовался силой Кости дважды. Полной силой, дерзко, в открытую, а такое утаить невозможно. Такое открывается рано или поздно. Это все, что тебе надлежит знать, даи. Остальное ты узнаешь позже. А пока созови фидаинов и выбери Жертвующих, на которых можно положиться во всем.

– Да, владыка, – кивнул даи. – Я отберу лучших из лучших.

– Сейчас мне нужны Верные из Верных. Самые Верные. Которых магия и гашиш сделает еще вернее.

– Конечно, Владыка... Что-нибудь еще?

– Приготовь курительную комнату. Я встречу Жертвующих там. И поторопись, даи. Время сейчас слишком дорого. Дороже, чем когда-либо.

Даи с поклоном удалился. Имам, так и не повернувшийся к собеседнику, потянулся к зурне.

Взмах руки – и вновь на башенную площадку впущен ветер. Одежды имама взметнулись. Между каменными зубцами засвистело, завывало. Но уже в следующий миг громкий, пронзительный визг заглушил все прочие звуки. Имам Времени играл на зурне.

Ветер подпевал.

Глава 3

Первый залп дали латиняне. Тяжелые итальянские и немецкие арбалеты снизу били дальше, чем луки ищерских дружинников, стрелявших с Острожецких стен.

– Укрыться! – приказал Тимофей. – Всем укрыться!

И сам отпрянул от бойницы.

Вовремя. Что-то промелькнуло перед глазами. Звякнуло за спиной.

– Вот ведь крысий потрох! – выдохнул он.

В воздухе свистели короткие арбалетные болты. Массивные чуть притупленные наконечники выбивали из обращенного в камень дерева пыль и мелкое серое крошево.

К счастью, под вражеские стрелы никто не попал. Но никто не мог теперь без опаски и высунуться из бойницы.

– Тимофей, – позвал Угрим. – Как прикажу – пусть лучники встают к бойницам. И пусть стреляют. Разом. Все.

– Так не достанем же, княже! – опешил Тимофей. – Латиняне, они того... далеко еще слишком.

– Достанем, – пообещал Угрим. – Как – не твоя забота, а моя. Просто цельте по первой линии, понял?

– Да уж чего тут не понять-то...

Князь кивнул. Процедил с кривой ухмылкой.

– Михель хочет узнать, на что я способен. Что ж, он узнает.

Угрим зашептал заклинания. Руки князя медленно поднимались над головой. Прикрытые глаза, растопыренные пальцы...

Тимофей улыбнулся. В самом деле, не все же время прятаться за колдовскими щитами! Волховскую магию можно использовать и иначе. Ею ведь можно и наподдать хорошенько!

– Стрелу к тетиве! – крикнул Тимофей. – Приготовиться! Целить в арбалетчиков. Бить всем вместе, залпом. По моей команде.

Добавил – чтобы понятнее было:

– Князь стреле поможет!

Лучники все поняли быстро и правильно.

– К тетиве! – передавали дружинники друг другу приказ воеводы. – Приготовиться! В арбалетчиков! Залпом! По команде! Князь поможет!

Арбалетные болты перестали, наконец, сыпаться в бойницы. Чтобы перезарядить тяжелые самострелы потребуется время и времени немало.

Угрим прильнул к бойнице.

Руки воздеты, глаза горят, губы шепчут неведомое...

И сквозь волховской шепот – едва различимое...

– Бей!

Выдох-шелест, выдох-приказ...

И...

– Бе-е-ей! – зычный голос Тимофея разнесся над крепостью.

Стрелки, как один, шагнули к щелям бойниц.

Миг – и луки натянуты. И тетива – у уха.

И глаз выбирает цель в сплошном ряду щитов и людей.

И нимало ни смутившись (Князь! Князь стреле поможет!) стрелки отпускают тетивы.

Сухие щелчки плетенных жил по толстым кожаным рукавицам...

Угрим выбросил вперед поднятые длани. Толкнул от себя незримую волну, как толкал ее прежде Михель, придавая дополнительную скорость снарядам камнемета.

Волховская сила дополнила силу тугой тетивы и упругого лука. Стрелы подхватило, понесло... Лишь две или три не попали в колдовской ток и воткнулись в землю, не достигнув цели.

Все прочие долетели. Ударили редким, но смертоносным дождем.

Стрелы били в тяжелые осадные щиты, но не застревали в толстом дереве, а пронзали его насквозь, как хрупкий сухой пергамент, валили с ног щитonosцев, доставали вражеских стрелков. Стрелы свистели над щитами и разили по несколько арбалетчиков сразу.

Кричали и стонали раненые, безмолвно падали убитые.

За дощатыми щитами воцарилось замешательство. Первая линия атакующих сломалась. И – ни одной стрелы в ответ. Этим следовало воспользоваться.

– Еще раз! – прохрипел Угрим. – Тимофей! Быстрее! Теперь – по лестницам.

Губы князя-волхва снова шептали магические формулы, руки опять поднимались над головой.

– Стрелу к тетиве! – вновь крикнул Тимофей.

Стрелу наложить – это не тяжелый арбалет перезарядить. На это опытному лучнику много времени не нужно. А неопытных в княжеской дружине отродясь не водилось.

– По лестницам! Залпом!

Глянул мельком. Все готовы? Всё поняли?

Вроде, все. Вроде, всё.

– Бей! – вновь прозвучал сквозь колдовской шепоток слабый выдох-приказ князя.

– Бе-е-ей! – во все горло заорал Тимофей.

Снова шелкают тетивы. Оперения стрел мелькают в воздухе.

И – повелительный взмах Угримовых рук.

На этот раз стрелы унеслись за первую линию штурмующих. Пали на вторую. На головы щитonosцев и кнехтов, тащивших лестницы. Каждая стрела находила цель в плотных вражеских шеренгах. И не одну притом.

Латиняне валились друг на друга. На раненых и умирающих падали тяжелые штурмовые лестницы. Ряды наступающих смешались, замедлили шаг...

Арбалетчики противника судорожно заряжали тяжелые самострелы. Но пока не стреляли.

А если еще залп? Еще дальше? По пехоте? По рыцарям?

А по камнемету?

А по фигуре в красном, стоящей возле него?

А по хрупкой женской фигурке, издала толкающей громадный турус?

Получится? Долетит ли стрела, подстегнутая заклинанием князя-волхва? Достанет ли латинянского мага и никейскую ворожею?

Тимофей скользнул взглядом по осадной башне и Арине, по стенобитному пороку и...

Порок! Кр-р-рысий потрох!

Рычаг камнемета дернулся кверху. Михель взмахнул широкими рукавами. Сетчатая праща обвилась вокруг подвижной балки метательной машины. Пустая уже праща!

Пока они осыпали стрелами вражескую пехоту, новая гроздь дымящихся шаров устремилась к крепости. Вон она! Связка зажигательных снарядов достигла высшей точки, разваливалась на части.

– Княже! – вскричал Тимофей. – Греческий огонь!

Увы, запоздалое предупреждение...

– От бойниц! – проревел Тимофей лучникам. – Всем – прочь от бойниц! В укры-ы-ытие!

* * *

Угрим успел-таки вскинуть руки в защитном жесте и шепнуть тайное волховское слово... Быть может, не одно. Князь сумел даже остановить часть зажигательных снарядов на полете к стенам. Глиняные горшки, наткнувшись на магическую защиту, разорвались в воздухе огненно-дымными кляксами.

Но не все. Далеко не все.

На этот раз добрая половина их достигла крепости, обрушилась огненным дождем на стены и башни. Несколько горшков разбилось на улицах.

Внизу засуетились ополченцы, пытавшиеся бороться с огнем. Здесь же, на стенах, людей было мало, а пламени – много. Глиняные горшки раскалывались один за другим. Жидкий огонь расплескивался по заборалам и крышам, стекал по окаменевшим бревнам, проникал через бойницы на боевые площадки и переходные галереи. Казалось, полыхало все и всюду.

Будь городские укрепления деревянными, участь Острожца была бы решена. Однако и на каменных стенах, где беснуется пламя, а едкий дым забивает глотку и слепит глаза, держать оборону тоже не просто.

А ведь греческий огонь сам собою погаснет не скоро.

Скорее уж латиняне вскарабкаются наверх.

Тимофей слышал, как в клубах дыма кричат сгорающие заживо дружинники. Видел, как люди прыгают из полымя со стен, как летят вниз горящими и орущими головешками. Хорошо, хоть только лучники были на стенах, иначе, почитай, полдружины бы сгорело.

В дыму и пламени засвистело. Зазвенели наконецники об окаменевшее дерево. В бойницы снова влетали стрелы. Латиняне быстро приближались и вскоре к мощным арбалетам генуэзцев и германцев присоединились легкие самострелы швейцарцев и длинные, как рога-тины, тисовые луки англичан. Осадная башня тоже уже подползла на выстрел. На верхней площадке туруса появились стрелки.

Время шло, а стрелы все сыпались и сыпались. Выглядывать из укрытия стало еще опаснее, чем прежде. Но и ждать штурма вслепую – тоже ведь никуда не годится. Тимофей рискнул. Прикрывшись щитом, шагнул к бойнице.

Проклятье! Кнехты из первых рядов уже бросают в нечищенный оплывший ров большие осадные щиты, настилают поверх воды гать. И лезут, лезут дальше – на вал, на щербатый частокол...

Вражеская стрела ощутимо трянула щит, пробила железный умбон. Массивный наконецник короткого арбалетного болта расщепил дерево над ременным креплением. Едва руку не задел. Звякнул о зеркало, но ослабленный щитом не смог одолеть нагрудную пластину доспеха – только оставил вмятину.

Тимофей отшатнулся, выждал немного, выглянул в другую бойницу.

Ко рву подходит... нет, подбегает вторая линия штурмующих. Латиняне подтягивают лестницы под стены. Турус, гонимый магией Арины, тоже движется со скоростью бегущего человека. Для осадной башни уже готовят проход. В ров летят земля, камни, вязанки хвороста и бревна. Дальше, за рвом, кнехты ломают на пути туруса частокол и пробивают брешь в валу.

– Княже! – закричал Тимофей. – Латиняне скоро...

По верхнему краю щита ударила вторая стрела – длинная на этот раз пущенная, не из самострела, а из лука. Оперение затрепетало перед глазами Тимофея. Узкое граненое острие, показавшееся с внутренней стороны щита, целило в лицо. На пол ладони бы выше прошла – и щит бы уже не спас.

– ...скоро на стены полезут!

Третья стрела шла еще точнее: между щитом и шлемом. Но рука Угрима вовремя отдернула Тимофея.

– Не подставляйся без нужды, дурень! – строго отчитал его князь.

– Дружину наверх пора поднимать! – бросил Тимофей в хмурое лицо волхва.

– Куда? В огонь?

Пламя, растекшееся по боевым площадкам, бушевало всюду. Дымные клубы заволакивали башни и стенные пролеты. Да, Угрим прав: сначала следовало справиться с этой напастью.

– Княже? А землей потушить? – отрывисто спросил Тимофей. – Ты сможешь?

Как тогда... как детинец...

Князь качнул головой:

– Слишком высоко, и слишком много земли понадобится. Да и засыпать стены нельзя.

Переходы должны быть свободными.

– Тогда что? Тогда как?

Приказать таскать наверх воду? Но вода греческого огня не зальет, а лишь раззадорит его.

– Любому огню нужен воздух, – проговорил князь. – Без воздуха он гореть не сможет.

– Не понимаю.

– Вдохни поглубже.

Тимофей в недоумении воззрился на князя.

– Это будет недолго, – пообещал Угрим.

– А-а-а?..

– Но это будет неприятно, – предупредил волхв.

Что «это»?

Расспрашивать уже не имело смысла. Князь снова чародействовал. Угрим издал протяжный шипящий звук, положил ладони одна на другую – будто снежок лепил. А после сжал с видимым усилием.

Лицо князя налилось красным, на лбу вздулись жилы.

Тимофей оглох. Нет, не оглох даже. Оказался накрыт незримым куполом, не пропускающим ни звука, ни дуновения ветерка.

А Угрим все давил и давил заключенный между ладоней воздух.

Воздух... Воздух!

* * *

Тимофей попытался вдохнуть. Не смог.

Ни вдохнуть не смог, ни выдохнуть, ни пошевелиться.

Потому что воздух вокруг него...

О-ка-ме-нел!

Да, именно так. Воздух стал подобен бревнам Острожецких стен, что превратились в сплошную монолитную глыбу на выпирающем скальном основании, сохранив былую форму, но не суть.

Лицо Тимофея упиралось в пустоту и твердь. В пустую твердь. В твердую пустоту, которая не желала больше вливаться в легкие живительным потоком.

«Воз-дух-стал-кам-нем!» – мучительно осознавал Тимофей и никак не мог до конца осмыслить случившееся.

Его словно в одно мгновение замуровали живо. Словно все тело заключили в одни сплошные кандалы. Он почувствовал себя Кощеевой Костью в прозрачном яйце-кристалле.

Жуткое ощущение. Грудь сдавлена, уста будто залиты холодным свинцом.

Тимофей попытался крикнуть. Не смог.

Вопль застрял в глотке. Даже стон, даже хрип не вырывался наружу.

Отчаянно колотится сердце. Бешено стучится кровь в висках.
И мертвая тишина вокруг.

Угримо колдовство накрывало весь гребень стен. Скосив глаза, Тимофей увидел, как вражеские стрелы беззвучно отскакивают от затвердевшего воздуха в паре локтей от бойниц.

А главное: опадало и исчезало задавленное пламя. Лишь оставались густо чернеть на площадках и переходах неподвижные, размазанные клубы дыма. Князь оказался прав: даже греческому огню было не под силу разгрызть такой воздух. Вот только...

Да, задушенное пламя на стенах гасло. Но вместе с ним чародейство Угрима душило людей.

Тимофей с отчетливой тоской понял: все! Воздух в легких кончился. Ноги подкашивались и лишь незримая твердь, сдавившая тело, не позволяла ему упасть.

«Значит, умру стоя, – промелькнула нелепая мысль. – И буду стоять после смерти».

Потом связанных мыслей не стало. Только отчаянно билась одна. Последняя. Полумысль-полукрик. Крик немой и бесполезный.

Дышать! Дышать!

И – никак не получалось.

Тимофей почувствовал, что умирает.

Смерть от удушья – не самая страшная смерть, но, как выяснялось, и не самая легкая.

Впрочем, не он один стоял сейчас на краю могилы.

Князь вон тоже весь аж побагровел.

Сквозь застывший дым Тимофей видел лучников на стенах. Стрелки, накрытые внезапным колдовством, замерли в нелепых позах. Красные (а кое у кого – и синие уже) лица, выпученные глаза, раскрытые рты, жаждавшие одного. Воздуха!

Колдовство закончилось внезапно.

Шум. Штурм. Ожившие и обрушившиеся со всех сторон звуки.

Вновь засвистевшие над головой стрелы.

Каменные тиски отпустили. Тимофей навалился на заборало и чудом удержался на ногах. Ветер – вперемежку с дымом от огня, которого больше не было, ударил в лицо.

И – вдо-о-ох. Долгожданный, глубокий, пьянящий...

Тимофей дышал шумно, жадно и никак не мог надышаться. Воздух, пропитанный гарью, но такой желанный и сладкий, живой струей входил в легкие. Наполнял их и выносил прочь давящую пустоту. И входил снова. Рядом, опершись руками о шершавые бревна-камни, хрипло дышал Угрим. Видать, князю тоже пришлось нелегко.

Уцелевшие в огне лучники хватали воздух ртами, будто выброшенные на берег рыбы. Несколько мгновений никто не был способен с бою. А между тем конец первой латинянской лестницы уже возник над стеной справа от ворот.

– Княже! – с трудом выкашлянул Тимофей.

– Вижу, – отозвался князь-вохв.

Взмах руки – и лестницу словно отбросила тугая тетива гигантского лука.

Внизу закричали придавленные люди.

А к стене прислонены еще две лестницы.

Град пущенных снизу стрел засыпал крепость. С верхней площадки осадного туруса тоже метко били лучники и арбалетчики.

– Прикрой меня, Тимофей, – потребовал князь, – Мне самому сейчас защищаться будет недосуг.

Угрим шагнул к бойнице. Тимофей перекрыл щитом узкую щель в стене. По щиту ударило. Сильно. И еще раз, и другой, и третий. Арбалетный болт свистнул над головой князя. Длинная стрела звякнула о шлем Тимофея.

Одного взгляда, брошенного вниз, хватило, чтобы понять: плохо дело. Под стеной уже бурлило людское море. Рыцари, оруженосцы, наемники, кнехты, стрелки – все смешалось в пеструю орущую массу, над которой медленно вздымались огромные лестницы. По двум из них – уже приставленным к стенам – как муравьи карабкались человеческие фигурки. Осадный турус почти подполз ко рву. Скоро и для него будет готов проход.

Угрим вновь что-то забормотал. Руки выставлены вперед, пальцы скручивают незримый валик. И...

Словно тяжелое бревно обрушилось на приставленные лестницы. Лестницы переломились, рухнули. Горохом посыпались вниз облепившие их латиняне.

Но штурмующие уже перебрасывают из-за частокола новые лестницы, лезут через тын сами. Десятками, сотнями. Подходят ближе, ближе... Вражеские стрелы летят все гуще.

– Это не поможет, княже! – пробормотал Тимофей. – Этим латинян не остановить!

Нужно было что-то другое. И Угрим сделал. Другое.

Князь широко – словно сеятель, разбрасывающий зерно, махнул рукой в сторону бойницы. Блеклые едва-едва заметные искорки слетели с кончиков пальцев волхва и тут же погасли по ту сторону стен. Вражеские стрелы, летевшие к надвратной башне, закружило невидимым смерчем, повернуло и швырнуло обратно на головы латинян.

Не все успели вскинуть щиты...

* * *

Волшба продолжалась. Руки князя метались, раскручивая незримые вихри – вправо, влево, вдоль стен, по-над забором. Волна магических токов и завихрений ширилась, подхватывая и разворачивая все больше и больше вражеских стрел.

Латиняне перестали стрелять.

Тогда Угрим ударил иначе. Земляной фонтан – вроде того, которым князь тушил пожар в городе – взлетел между валом и крепостной стеной. Фонтан разбил еще пару лестниц, разбросал оружие, дергающиеся человеческие фигурки, расшиб латинян о каменное подножие стен, нанизал на заостренные бревна тына, накрыл сверху тяжелой осыпью глиняных комьев, валунов и щебня.

Второй фонтан ударил из-под туруса, подведенного ко рву.

Вздыбившаяся земля разметала бревенчатый настил под осадной башней, стряхнула стрелков с верхних площадок. Башня качнулась вправо, влево...

По-ва-ли-лась.

Но не упала.

Массивное сооружение словно на невидимых канатах зависло над головами латинян.

«Арина!» – догадался Тимофей. Гречанка, подталкивавшая башню к крепости, теперь пыталась ее удержать.

Далекая женская фигура стояла неподвижно, вытянув вперед обе руки. Угрим, выставивший ладони перед грудью, тоже не шевелился. Между ищерским волхвом и никейской ворожеей шла незримая борьба. Угрим давил турус к земле. Арина не давала башне упасть. И если бы только она одна!

Бросив взгляд в сторону камнемета, Тимофей увидел, как к накренившейся башне простер руки Михель.

Громоздкий турус, так и не коснувшийся земли, начал медленно-медленно поднимался.

А в крепость снова полетели стрелы. Вших-вших-вших-вших... Тук-тук-тук-тук... Вражеские стрелы шелестели над головой, били в щит Тимофея и в края бойницы. Угрим не мог отвлечься, и Тимофею приходилось прикрывать и себя, и князя.

Угрим как будто не замечал стрел. Пот ручьями стекал по лицу волхва. Руки дрожали. На лбу князя вздулись вены. Из перекошенного рта вырывалось хриплое дыхание. Но противостоять объединенному натиску Арины и Михеля Угрим не мог.

Еще немного и...

Оглушительный хруст и грохот. Ага, вот чего добивался князь! Деревянная конструкция попросту не выдержала магического давления с двух сторон. Башня треснула. Переломилась. Посыпалась смятыми в труху бревнами.

Турус развалился на части. Рухнул...

Князь отступил от бойницы сам и отдернул Тимофея.

– Готово! – шумно выдохнул Угрим.

Тимофей тоже перевел дух. Щит ощутимо тяготил левую руку. Еще бы! Из кожаной обивки торчало десятка полтора стрел. Оперения цапапали заборало при каждом движении. С таким щитом много не навоюешь.

Тимофей вынул из ножен меч. Взмахнул пару раз. Обрубил древка под самые наконечники. Вот так гораздо лучше! А острия можно выковырнуть позже. Когда будет время. Если будет.

За стеной послышался гулкий протяжный рев. Рог? Латиняне трубят отступление?

Тимофей не удержался. Снова выглянул из-за бойницы.

Да, это звучал боевой рог. Только он не звал назад. Он гнали к крепости вторую волну штурмующих. Свежие силы латинян двигались к Острожцу ровными, не смятыми еще рядами. К крепости на людских плечах плыли новые лестницы.

– Княже! – Тимофей повернулся к Угриму. – Латиняне...

– Знаю, – кивнул князь. – Слышу. Михель шлет подмогу.

Тимофей отыскал взглядом латинянского мага и ворожею-гречанку. Вражеские чародеи, похоже, утратили интерес к развалившемуся турусу и разочаровались в стенобитном пороке. Сейчас они творили за спинами надвигающихся отрядов какую-то новую волшбу. Правда, ее последствий пока видно не было.

– Что происходит? – пробормотал Тимофей. – Что делают Михель и Арина?

– Изгоняют страх, – хмуро ответил Угрим, даже не взглянув за стену. Наверное, не нужно было. Наверное, князь все чувствовал и так. – Внушают воинам отвагу. Это сложная магия, она требует полного сосредоточения и концентрации сил. К ней прибегают редко. Но она того стоит. Поднимай ратников на стены, Тимофей. Дружинников, ополченцев – всех. Пришло время...

Тимофей перегнулся через внутреннее ограждение.

– Все вверх!

Приказ воеводы подхватили сотники и десятники. Воины взбежали на боевые площадки, становились у бойниц. И вовремя: латиняне прислоняли к стенам лестницы. Одну, вторую, третью...

– Тимофей, – окликнул Угрим, – ты с ратниками бери на себя тех, кто ползет вверх. Я сделаю так, чтобы за ними не прорвались остальные.

– Ясно, княже, – отозвался Тимофей.

Хотя ясно ему было пока далеко не все.

– Придется показать Михелю с Арине кое-что еще, – пробормотал князь.

Но Тимофей его уже не слушал. На заборало оперлась четвертая лестница. И – тут же, рядом – пятая. И – шестая. Лучники и арбалетчики латинян прекратили обстрел. Видимо, опасались задеть своих. Значит, по лестницам уже лезут.

– Бей! – крикнул Тимофей.

Вниз полетели стрелы, сулицы, камни и бревна. Мужикам-ополченцам длинной раздвоенной рогаткой удалось оттолкнуть от стены одну из лестниц. Латиняне приставили еще три. И – еще две.

Тимофей подскочил к ближайшей. Тяжелая, крысий потрох, устойчивая! В одиночку не свалить. С такой лестницы можно только сбивать врага мечом. Тимофей поднял клинок...

Над гребнем стены показалась голова. Кнехт в широкополой стальной каске увидел Тимофея, яростно завопил, вытаращив глаза. В руке – топор. Щит заброшен за спину. И напрасно...

Рубящий удар под покатые поля каски. Крик кнехта оборвался. Снесенная с плеч голова летит вниз. Кровь заливает лестницу и стену. Вслед за головой падает тело. Но на месте первого латинянина уже стоит второй. Рыцарь в легком шлеме, прикрывается щитом и пытается достать Тимофея длинным мечом. Только драться стоя на скользкой от крови лестнице неудобно.

Тимофей отводит клинок противника в сторону, рубит сам. По щиту, по намалеванному гербовому орлу. Сверху вниз. Прямым бесхитростным ударом. Но си-и-ильным.

Щит трескается. Рука в латной перчатки соскальзывает с перекладины. Нога – тоже. Рыцарь срывается и летит вниз, на головы лезущих следом. Сбивает кого-то. И кого-то еще.

Краткая передышка.

Тимофей смотрит по сторонам. К стенам прислонены новые лестницы. Битва кипит вовсю. Ищерцы держатся. Не пускают врага дальше заборала. Пока не пускают...

Кнехты и рыцари десятками падают к подножию стен. Но убитые и раненые есть уже и среди защитников. Их мало, гораздо меньше. И все же они есть.

Копье! Тычет снизу. В лицо.

Тимофей увернулся. Срубил наконечник, перегнувшись через стену, вытянул руку, достал вражеского копейщика кончиком меча.

Еще одним латинянином на лестнице стало меньше.

Урвав свободное мгновение между взмахами меча, Тимофей глянул на князя. А князь...

Холодный взгляд, плотоядная улыбка, чуть заметно шевелящиеся губы, руки, живущие своей особой волховской жизнью...

Князь колдовал.

Угрим медленно, с усилием, разводил перед собой ладони.

Зачем?

Зачем-то...

* * *

Снизу доносятся дикие вопли. Не из-под стен, дальше – из-за вала и частокола. От рва.

Что там творится? Нет ни времени, ни возможности посмотреть: еще один латинянин вскарабкался по штурмовой лестнице. Стоит у самого заборала, почти вровень с Тимофеем. Одной рукой держится за окровавленную перекладину, второй – бьет тяжелым кистенем. Целит в голову Тимофею.

Вражеский кистень Тимофей принимает на щит.

Утыканный обломками стрел щит трескается. Но не разваливается. Тимофей наносит ответный удар. По руке, вцепившейся в перекладину. Кисть отсечена. Латинянин кричит, падает.

Тимофей смотрит вниз. И видит, наконец. Отчетливо видит, как...

Подчиняясь движению Угримовых рук, движется земля. Там где ров. Где был ров.

Сейчас дно рва проседает. Бурлит и клокочет мутная вода. Внешняя стенка отдалается от внутренней, над которой возвышается вал и частокол.

Хотя нет, не так. Не совсем так. В ров со стороны латинян сползают пласты глины, но не наполняют, не засыпают его, а бесследно исчезают в пузырящейся воде.

Крепостной ров углубляется и расширяется. С кромок осыпается земля и оружие люди. Ломаются наложенная гать из осадных щитов. Рушатся переброшенные через ров мостки. Расползается и тонет наваленная для туруса насыпь.

Разрастающийся ров обращается в глубокий овраг, в широкую балку, затягивающую все новые и новые жертвы. На склонах копошатся кнехты и рыцари. Латиняне пытаются выбраться по предательским осыпям. Пытаются – и не могут.

А ко рву подходят новые ряды. Лезут упрямо, настырно. Определенно, страха штурмующие не испытывали. Страх был придавлен, пришиблен магией. И страх, и обычное свойственное человеку чувство самосохранения.

Тимофей чуть не пропустил выпад рыцарского меча.

По штурмовой лестнице уже вскарабкались новые противники. Острие длинного обоюдоострого клинка целило ему в горло, но отклоненное в последний момент, увязло в бармице, подцепило и сбросило с головы шлем. А без шелома сейчас – беда.

На Тимофея навалились сразу двое. Рыцарь в длиннополой кольчуге и кольчужном же капюшоне перебирался с лестницы на заборало. Сразу за ним – оруженосец, пытающийся из-за плеча господина достать Тимофея копьем.

Тимофей действовал одновременно двумя руками. Меч – под копейный наконечник. Отбить! Рыцаря – спихнуть щитом. С копьем получилось. С рыцарем не вышло. Проклятый латинянин вцепился левой рукой в край щита. Правой поднял тяжелый клинок.

Тимофей стряхнул щит с руки, толкнул от себя вместе с противником. Замахивающийся мечом рыцарь потерял равновесие. Рухнул спиной назад: над заборалом только ноги мелькнули. Свободной рукой Тимофей перехватил древко копья. Ткнул мечом под шлем оруженосца. Слуга полетел вслед за господином.

Опять небольшая передышка. Тимофей глянул на князя, на ров...

Угрим уже не разводил, а сводил руки. И ров... Ров смыкался, сжимался, натягивая на себя покрывало земли. Расстояние между стенками сокращалось. А дно уходило все глубже.

Вот ров достиг своих прежних размеров. А вот – и вовсе стал узкой земляной щелью, через которую можно перепрыгнуть без разбега.

Все! Темная щель доверху набита людьми, оружием, обломками осадных щитов. Из сужающейся ловушки тянутся руки, но податливая земля осыпается под пальцами. Там не спасается никто. Крики сменяются стонами и хрипами. Людей давит заживо. Ров выплескивает красное. Воду, густо окрашенную кровью. Или кровь, слегка разбавленную водой. На миг, на краткий миг, разделенные стенки смыкаются, будто створки моллюска, захлопнувшего раковину. Крепостной ров закрывает свою добычу, обращаясь могилой...

Но уже в следующее мгновение Угрим резко развел руки. Ров снова разошелся, раскололся, разверзся, подобно ненасытной земляной пасти. Трещина расширилась, и открывшийся провал явил жуткое зрелище. Смятые человеческие останки, искореженные и впечатанные в земляные стенки доспехи, перетертое в труху дерево. Сплошная бесформенная масса. И кровь, кровь, кровь...

А ров опять поглощал сползающую землю. Глотал ее жадно и быстро. Воины, оказавшиеся на краю, вновь сыпались вниз. Падали, барахтались, тонули в кровавом месиве.

Очередной латинянин, появившийся на лестнице, закрыл обзор. Это был рослый рыцарь с шестопером на крепкой рукояти. Противник атаковал напористо и яростно. Едва не выбил из рук Тимофея оружие, чуть не достал увесистым набалдашником палицы незащищенную голову.

Латинянин поднялся над забором и уже готовился прыгнуть в крепость. Тимофей нанес сильный рубящий удар в ноги. Будто бы в ноги... Рыцарь опустил шестопер, прикрывая колено и голень. Однако Тимофей бил со скрытым умыслом.

Он изменил направление удара. С маху обрушил клинок на лестницу. Перерубил перекладину под ногами противника.

Хрустнуло. Латинянин, взмахнув руками, сверзился вниз.

А что Угрим? Тимофей снова стрельнул глазами в его сторону. И скользнул взглядом по рву.

Князь-волхв опять сводил руки. Сначала сводил, потом – разводил. Глинистые стенки рва сходились и расходились, сдвигались и раздвигались. Захлопывались, разверзались снова...

Земляная пасть захватывала штурмующих ряд за рядом. Пережевывала добычу. Втягивая живых, выплевывая кровь мертвых. Первый штурм захлебывался в этой крови.

Однако люди, утратившие страх, все шли и шли... Вперед, на смерть. До тех пор шли, пока внизу не взревели рога и трубы.

Ага! Михель отводил от опасного рва тех, кого еще можно было отвести. Вторая волна штурмующих откатывалась назад.

Натиск латинян, уже прорвавшихся к стенам и не дождавшихся подмоги, ослабел. Штурмовые лестницы опустели. Те, кто пытался влезть наверх, были сброшены вниз. Тех, кто остался внизу, защитники крепости добивали из луков и забрасывали камнями.

Тимофей опустил меч. Для его клинка работы больше не было.

А вот Угриму, судя по всему, работенки хватало. Князь-чародей опять творил колдовство.

Ров сомкнулся в очередной раз и...

И больше уже не открывался. Зато зашевелился вал с частоколом. Заскользили по склонам насыпи тела латинян пронзенные ищерскими стрелами, посыпались земляные комья...

Угрим, не умолкая ни на миг, бормотал неразборчивые волховские заклинания. Подавшись вперед всем телом, упершись плечом и руками в невидимую преграду, князь стал похож на мужика, бранящегося сквозь зубы и выталкивающего из колдобины перегруженный воз.

И Угрим в-в-вытолкнул!

Нет, не какую-нибудь там телегу! Князь скovyрнул крепостной вал. Весь! Целиком!

Плотная насыпь, полукольцом охватывавшая прижатый к речному берегу город, грузно сдвинулась с места, поползла от Острожца земляной волной – распрямляясь и слегка покачивая гребнем из заостренных кольев. Оставляя за собой густой пыльный след.

Тимофей заворожено наблюдал за движением земли. Вот вал миновал сомкнутую пасть рва. Вот стер и впитал кровавые лужи. А вот двинул дальше, постепенно набирая скорость.

* * *

Конница, возможно, смогли бы спастись от такого. Пешцы – нет. Это было видно и это было ясно. Отступавшим латинянам – в первую очередь. Однако паники во вражеских рядах не наблюдалось: сказывалось внушенное Михелем и Ариной бесстрашие.

Неприятельские отряды остановились и уплотнили строй. Ровными шеренгами, подпирая друг друга, выстроились впереди щитоносцы, копейщики и алебардчики. Стена щитов, лес пик и широкие лезвия топоров на длинных рукоятях должны были принять на себя первый, самый страшный удар, расковырять земляную массу и ослабить напор.

Из задних рядов густо полетели стрелы. Залп. Еще один. Еще... Нет, арбалетчики и лучники не пытались расстреливать надвигающийся вал. Стрелы усеивали пространство между

движущейся насыпью и людьми, стоявшими неподвижно. Пестрые оперения уже торчали, как трава, а стрелы все продолжали сыпаться.

Земляная масса коснулась деревьев. Стрелы немного, чуть-чуть, но все же замедлили продвижение вала.

Строй латинян разомкнулся. За воинами, закованными в железо, стояли две фигуры, не обремененные доспехами. Фигура в красном балахоне. И стройная женская фигура.

Михель. Арина.

Тимофей покосился на Угрима. Князь простер перед собой руки, затем опустил ладони, словно пригибая что-то.

Перекошенный, зияющий дырами частокол сполз с вершины вала на его внешний склон, опустился к земле. Потемневшие, заостренные концы бревен смотрели теперь не в небо, а целили в щиты и нагрудники латинян. Колья тына превратились в плотный ряд толстых копий.

Стрелки продолжали стрелять. Земляной вал, оцетинившийся деревянными зубьями, катился по ковру из оперений. Вал спотыкался о стрелы, подминая их, но, все же, двигался дальше.

Михель и Арина ударили одновременно.

Взмах рук, раскрытые ладони...

Тимофей не увидел самой магии. Он видел только результаты магического действия. В надвигающуюся насыпь будто врылись глыбы, выброшенные мощным пороком. Насыпь вздрогнула. Изломанные бревна посыпались из нее, словно выбитые зубы из десны. Разлетелись налипшие на вал человеческие останки и оружие. Утрамбованная земля брызнула вверх и назад, обращаясь в безобидные рыхлые холмики и кочки – невысокие, неприметные и неподвижные.

Еще удар, еще, еще, еще...

Маг и ворожея яростно крушили вал. Земляную стену то тут, то там разрывали широкие бреши. Расчлененная и разбитая насыпь замедляла движение, но не останавливалась.

– Вблизи-то оно конечно, – расслышал Тимофей злой голос князя. – Вблизи так можно. Только всего вам уже не скрыть. Не успеть...

И – вновь невнятное бормотание. Князь-волхв, сосредоточившись, толкал разбитую насыпь дальше.

Остатки земляной стены рваной и изломанной волной накатили, на стену живую. Удар был страшен. Много страшнее, чем натиск тяжелой конницы.

Сначала заостренные бревна частокола раздвинули пики и алебарды, разнесли в щепу осадные щиты, смяли доспехи, изорвали плоть. Потом латинянский строй накрыла земля. Копейные наконечники и тяжелые лезвия алебард взрыхлили и скovyрнули внешний слой вала, но не остановили насыпь.

Разом сломались десятки, а может быть, сотни крепких ратовищ.

Темные земляные гребни, отчетливо различимые в море человеческих голов, ползли сквозь вражеское войско, увязая в мертвых и живых еще телах, и еще сильнее замедляя ход.

Часть вала латинянам все же удалось разметать по бревнышкам, разрубить, разбросать, расковырять и скрыть. Но лишь часть. Несколько разрозненных холмов уже прорвали вражеский строй. Изрытые, истыканные обломками копий, залитые кровью, облепленные трупами, оплывшие и отяжелевшие, они двигались на лагерь осаждающих. Медленно – гораздо медленнее, чем прежде, – но все-таки двигались. В земле покачивались прореженные, посеченные, неровно торчащие колья.

Угрим обливался потом. На лбу и шее князя-волхва пульсировали вздутые жилы. Заклинания цедились сквозь стиснутые зубы. Видимо, на таком расстоянии приводить в движение даже то небольшое, что оставалось от крепостного вала, было непросто. Близился рубеж, за которым колдовская власть Угрима над валом заканчивалась.

В лагере противника началась суета. Надрывались рога и трубы. Пешие кнехты ставили на пути земляных насыпей рогатки и обозные повозки. Всадники седлали коней, готовясь к отступлению.

А Михель? А Арина? Вон они, оба! Охотятся за движущимися по ровному полю наро-стами. Добивают, сметают, стирают...

Латинянский маг вскидывает руки вслед большому и темному земляному горбу. Земля расплескивается, словно вода. Разлетаются сломанные колья.

Бьет гречанка. По другим целям. Колдовство Арины разносит сразу два темных бугра поменьше.

Взмах руками, магический пасс, взмах, пасс, еще и снова...

Последние остатки вала рассыпаются пылью. Катятся, словно оброненное оружие, вывороченные колья. Земля ровняется с землей. Всё...

– Всё, – вздохнул Угрим.

Князь опустил руки и обессилено привалился к стене. На лице волхва не было радости.

– Мы отбили штурм, княже! – улыбнулся Тимофей, чувствуя, что его улыбке не хватало уверенности. – Теперь латиняне не скоро сунутся.

Ведь так? Так же, княже?

– Скоро, – качнул головой Угрим. Голос князя был бесцветным и уставшим. – Скоро сунутся, не сомневайся. Это был не штурм. Это была всего лишь разведка.

– Чего? – не понял Тимофей. – Чего разведка-то? Что могли вызнать латиняне, если они даже не поднялись на стены?

– Главное. Мои силы и возможности Кощеева тулова. В следующий раз Михель и Арина учтут, все что узнали сейчас. Сегодня они дрались не за крепость, а за знания, которые помогут войти в крепость. В следующий раз будет труднее.

– За знания? – Тимофей выглянул из бойницы. – И ради этого они положили столько народу?!

– Михель и Арина гонят на смерть воинов Феодорлиха, – пожал плечами Угрим. – Какое им дело до этих людей? Да и вообще... Сильные маги, стремящиеся к еще большей силе, никогда не считаются с потерями.

Тимофей огляделся. Кровь стекала со стен, у бойниц лежали тела убитых ищерцев. Ото-всюду доносились стоны раненых.

– А ты, княже? – он глянул в черные, как смоль, глаза Угрима. – Ты считаешься?

Угрим криво усмехнулся.

– Вынужден. У меня в Острожце не так много воинов.

Князь перевел взгляд на необъятный лагерь противника. Что-то похожее на зависть отра-зилось в смолистых зрачках ищерского волхва.

Глава 4

Зигфрид увидел их, как только вывел свой небольшой отряд с плато. Желтолицые варвары вновь преградили дорогу. Только на этот раз язычников было гораздо больше. Десятка полтора всадников на приземистых лошадках. Сотни две пешцев, выстроившихся неровными рядами... Вот, значит, к кому был обращен зов сигнальной раковины-рога. Вот на чью помощь уповал пленник, вспоровший себе брюхо.

Барон без труда определил, кто командует чужеземцами. Это видно всегда, вне зависимости от того, войско какого народа стоит перед тобой. Во-о-он тот рыцарь, вокруг которого сгруппировались всадники, здесь главный. Красный шлем с рогами и устрашающей личной-забралом, красная связка доспехов-щитков, красный плащ, заткнутый за пояс, широкие красные штаны. В руках – знакомый лук с укороченным нижним концом. За поясом – мечи. Длинный и короткий. На одежде – простенький герб. Рядом – знаменосец. На большом красном штандарте герб можно разглядеть во всех подробностях. Рыба. Карп, похоже...

Кто это, интересно? Какому роду принадлежит странный геральдический символ? Судя по количеству собранных воинов, рыцарь с рыбьим знаком – не из рядовых. Вероятно, местный барон, граф, быть может, даже герцог. Или хан? Или князь? Или как там эти варвары называют своих синьоров? Ладно, пусть будет князь. Это, в конце концов, не важно. Сейчас важно другое: именно по этому князьку следует нанести главный удар. Если удастся быстро убить или пленить предводителя язычников, появится шанс уцелеть самим. Уцелеть и победить. Другого пути к победе сейчас нет.

– Карл, шлем, – приказал Зигфрид. – Всадники, ко мне! Строить клин!

Конные рыцари, оруженосцы и кнехты подтянулись к барону, ставя коней поплотнее, и выстраивая за спиной господина живые крылья. Так удобнее будет рассекать вражеские ряды. Тем, кто лишился коня, придется пробиваться следом. Как-нибудь...

Телохранители, прикрывавшие князя-карпа, наоборот, раздались в стороны. Предводитель язычников, медленно оттянул за ухо тетиву. «Значит, решать дело миром не хочет», – усмехнулся Зигфрид. Впрочем, барон на это не очень-то и рассчитывал. Какой, в самом деле, может быть мир с язычниками?

В воздух взвилась первая стрела. Неожиданно резкий пронзительный вой огласил окрестности. Дернулся под седлом испуганный конь. На миг почудилась, будто и не стрела то вовсе летит, а визжащая ведьма на помеле.

Зигфрид вскинул щит. Сухой стук. Вой оборвался. Перед глазами дернулось орлиное оперение на длинном древке. Под наконечником воткнувшейся в обивку щита стрелы желтела роговая свистулька. Вот она какова, ведьма.

Что ж, хороший выстрел. Барон обломил стрелу.

Сигнал к началу битвы был подан. И сигнал был услышан.

На германцев обрушились новые стрелы.

– Ваша милость! Берегитесь! – верный Карл выдвинулся из задних рядов, прикрывая Зигфрида справа. В щит оруженосца ударило два... три... четыре раза.

Кто-то вскрикнул за спиной барона.

Рухнула лошадь Карла.

– Арбалетчики! – Зигфрид повернулся к своим стрелкам. – Красный рыцарь! Герб – рыба! Бей!

Поздно! Телохранители вражеского князя уже сомкнули ряды. Арбалетные болты вышибли из седел двух всадников, но самого «карпа» не достали.

Между тем вражеские лучники продолжали обстреливать воинов Зигфрида. Длинные легкие стрелы не пробивали щитов и отскакивали от прочных рыцарских лат. Однако кнехты и

их незащищенные лошади оказались уязвимыми мишенями. Остаться на месте было неразумно и небезопасно.

Зигфрид вырвал клинок из ножен. Копье – оно хорошо для поединка. Сражаться с многочисленным врагом все же удобнее мечом.

– В атаку! – рявкнул Зигфрид.

* * *

Они неслись на стрелы врага, сами подобные гигантской стреле. Скакали в тяжелом галопе, прикрывшись щитами и нещадно терзая шпорами конские бока.

– Не отставать! – рычал Зигфрид.

Стук копыт за спиной, свидетельствовал: воины барона не отставали.

Навстречу германцам ринулись вражеские всадники. Немного – с полдюжины. Без щитов, вооруженные короткими копьями, изогнутыми мечами и скособоченными луками, язычники что-то яростно кричали. Двое стреляли на скаку. И неплохо стреляли: из атакующего клина выпадали кони и люди. Но расстояние быстро сокращалось.

Первого противника, оказавшегося на пути, Зигфрид опрокинул без помощи меча. Вражеское копье скользнуло по щиту, а в следующий миг крупный баронский конь сшиб грудью низкорослую лошадку и втоптал желтолицего всадника в грязь. Крылья клина смели и отбросили еще трех язычников. Зигфрид, впрочем, этого уже не видел: барон несся на вражескую пехоту.

Он вломился во вражеский строй. Сразу четыре копья целило в конскую морду и в грудь всадника. Зигфрид прикрыл щитом и себя, и коня, привстал на стременах, ударил мечом через голову жеребца. Длинный клинок отклонил крюкастые наконечники. Конь сбил с ног двух копейщиков.

За спиной послышался хруст и звон. Рыцари вслед за своим предводителем бросали коней на копейный лес. А Зигфрид уже прорубался к князю-карпу.

Похожие на грибы пешие воины в круглых касках-шляпках пытались остановить или хотя бы задержать его. Желтолицы кнехты лезли под копыта, отчаянно размахивая длинными копьями и алебардами. Зигфрида старались зацепить крюком, сбить, сорвать, срубить. Но удача пока была на его стороне. И пока его меч разил вернее.

Вот враг слева. Зигфрид рубанул по широкополой стальной каске. Каска качнулась, отвела клинок вниз и в сторону. Соскользнувший меч отсек руку, сжимавшую копье. Покалеченный кнехт с визгом покатился по земле.

А вот еще один – справа!

На этот раз меч расколол и каску, и череп под ней.

Третий противник. Бьет алебардой... Зигфрид принял удар на щит. Нагнулся в седле, ткнул мечом под поля каски. Желтолицый кнехт стал краснолицым. Схватился за глаза, пал на колени.

Противно скрежетнул и зацепился за смотровую прорезь шлема копейный крюк. Сильный рывок... Зигфрид удержался на коне лишь благодаря высокой седельной луке, упершейся в спину. А вот шлем потерял. Выругавшись, барон повернул коня, наотмашь ударил назад. Кого-то задел мечом. А еще увидел...

Его клин был разбит и рассеян. Позади – никого. Оруженосцы и кнехты мертвы. Последних рыцарей, увязших в копейном лесу и стащенных с седел, добивают на земле. Безрассудная атака захлебнулась. И все же это еще не конец!

Зигфрид зарычал, как поднятый из берлоги медведь и вновь пришпорил коня. Вырвался из мешанины тел.

До князя-карпа оставалось совсем ничего. Однако красный рыцарь с рыбьим гербом ничем не выказывал беспокойства. Предводитель язычников неподвижно восседал в седле. За оружие не хватался, коня не разворачивал. Не спасался бегством и в схватку не лез. Просто смотрел и ждал.

Знаменосец при князе держался столь же невозмутимо. А вот телохранители князька заволновались.

Один атаковал Зигфрида. Перехватив меч двумя руками, желтолицый трабант звонко вскрикнул и обрушил на щит барона страшный удар. Тяжелый щит, который расколет не всякая секира, треснул под тонкой полоской изогнутой стали. Вражеский клинок застрял в массивном умбоне, едва не лишив Зигфрида левой руки.

Противник не сумел сразу извлечь из щита застрявшее оружие, и барон нанес ответный удар. Язычник покачнулся в седле, однако, к удивлению Зигфрида, разрубить доспех из туго переплетенных шелковых шнурков и металлических вставок оказалось не так-то просто. Легкое и податливое на первый взгляд плетение, спружинив, оттолкнуло клинок. Лишь со второго раза – поднявшись на стремянах и присовокупив к силе удара вес всего тела – Зигфрид не столько рассек, сколько проломил широкий наплечник врага.

Язычник упал. Но к Зигфриду уже спешил другой всадник из свиты князя-карпа. Барон вздернул коня на дыбы: рубить сверху – значит, рубить наверняка. Именно в этот момент какой-то проворный вражеский кнехт взмахнул алебардой. Плоское мечевидное навершие мелькнуло над землей, ударило баронского коня по задним ногам...

Конь с пронзительным ржанием, повалился на спину. Зигфрид покатился с седла в кровавую грязь. Рукоять меча выскользнула из латной перчатки. Над головой блеснула заточенная сталь. Изогнутые клинки, острия копий, лезвия алебард.

«Все! – понял Зигфрид. – Конец...»

И ошибся.

Властный окрик остановил расправу. Языческий князь повелевал сохранить жизнь барону Зигфриду фон Гебердорфу.

* * *

Вислые усы и реденькая бородка. Волосы, увязанные на затылке в тугой пучок. Сведенные над переносицей брови, плотно сжатые губы. Желтоватая кожа, узкие глаза... Князь-карп, снял, наконец, свой рогатый шлем и нелепый, похожий на привязанный к голове мешок, подшлемник. Предводитель язычников мало чем отличался от своих воинов, только разве что смотрит злее.

Зигфрид исподлбоя следил за чужаком и размышлял о том, как все-так переменчива судьба. Не так давно он допрашивал пленного. Теперь, по всей видимости, допрос учинят над ним.

Барон был связан и упирался спиной в спину Карла. Только этот оруженосец и уцелел из всего отряда. И то потому лишь, что придавленный лошадью в самом начале схватки, Карл не смог драться. Зигфрид невесело улыбнулся. Переменчивая судьба даже в деталях любит повторяться на новый лад. Того иноземного рыцаря, что взрезал себе живот, он тоже ведь пленил не одного, а вместе со слугой.

Языческий князь рассматривал колдовской артефакт. Карп изумленно вертел прозрачный яйцевидный кристалл с Черными Мощами и так, и этак. Потом спрятал трофей в седельную суму и склонился над доспехами Зигфрида. Их он перебирал с не меньшим удивлением и тщательностью.

Чужеземец осмотрел кольчугу, латы, шлем и треснувший щит, прикинул на руке вес каждой детали защитного снаряжения, примерил глухой шлем. Что-то пробормотал и неодобрительно покачал головой.

«Ну да, куда тебе!», – не без злорадства подумал Зигфрид. Маленький худощавый чужак, привыкший к легким шнурованным латам, вряд ли сможет ловко передвигаться в добротной рыцарской броне. Да и по размерам она ему никак не подойдет.

Язычник поднял и осмотрел мизерикордию. С озадаченным видом потрогал пальцами граненный клинок и, видимо, не сочтя кинжал милосердия достойным оружием, отбросил его в сторону. Зато мечу он уделил больше внимания.

Тщательно осмотрел обоюдоострый клинок от острия до рукояти, огладил крестовину эфеса, попробовал ногтем остроту заточки. С одной стороны, с другой. Поцокал языком, помотал головой. Попробовал пару раз взмахнуть особым способом – словно не рубил, а разрезал воздух. Получилось довольно неуклюже. Рыцарский меч все же не нож мясника. Да и варвар явно держал подобное оружие в руках впервые, и обращаться с ним не умел. Но, кажется, очень хотел научиться.

Расставив ноги пошире, карп снова взмахнул трофейным оружием. Ударил воображаемого врага, потянув клинок на себя. Вышло ненамного лучше. Еще несколько приемов незнакомой Зигфриду техники боя...

Нет, определенно, этот меч был тяжеловат и великоват для низкорослого чужеземца. Упражнения давались ему с трудом. Зигфрид усмехнулся: его оружие не желало повиноваться языčníку.

– Не умеешь, не берись, – посоветовал барон.

Чужак резко обернулся на голос и, заметив улыбку на лице пленника, что-то процедил сквозь зубы. Желтолицые слуги бросились исполнять приказ своего господина. Вскоре перед карпом лежали три мертвых воина Зигфрида. Два кнехта, один рыцарь. Все трое уже без доспехов.

Зигфрид перестал улыбаться.

Язычники уложили мертвецов одного на другого. Князь-карп занес меч барона над трупами.

Зигфрид нахмурился. Это он, что же, оружие так проверяет?²

Громкий отрывистый вскрик – и клинок обрушился на мертвую плоть. Влажно хлопнуло, хрустнуло... Кнехта, лежавшего наверху, меч перерубил в поясе. Надвое. Пополам. Змеистыми клубками вывалились кишки. Нижняя часть туловища соскользнула в одну сторону, верхняя – в другую. Сталь увязла в теле второго мертвеца.

² Прим.: в средневековой Японии, действительно, практиковался подобный способ испытания клинков. В некоторых случаях мечи испытывались и на живых людях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.